

ЕРОИ НОВЫЕ СУПЕРГЕРОИ НОВЫЕ

Плацдарм

*Максим
Кораблев*

ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ

*Стало скучно жить –
поменяй планету!*



Плацдарм

Максим Кораблев

Игра на выживание

«ЭКСМО»

2011

Кораблев М.

Игра на выживание / М. Кораблев — «Эксмо»,
2011 — (Плацдарм)

Странные сны и навязчивые идеи подтолкнули самых обыкновенных людей на исход через загадочные порталы в мир, именуемый Плацдармом. Отставным военным, уголовникам и обывателям невдомек, что все они оказались жертвами инопланетной цивилизации И теперь все способные держать оружие должны сражаться с разумной и неразумной жизнью, в избытке имеющейся на Плацдарме, а в будущем – и с себе подобными. Ведь неспособных сражаться, рано или поздно, сделают рабами. И лишь немногие знают истинные цели инопланетян. Эти немногие пришли на Плацдарм, чтобы разделять и властвовать. Им противостоят «специалисты по выживанию» Сергей Куприянов и Владимир Подольский, которым еще предстоит выяснить, кто скрывается под псевдонимами Комендант, Адмирал, Тамплиер? И люди ли они?..

© Кораблев М., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Кораблев

Плацдарм. Игра на выживание

Пролог

– Сеньор Мартинес!

Старик с недоверием взглянул на дверь. Кого еще там черт принес?

Он никого не ждет!

Тотчас послышался стук – решительный, но в рамках приличия.

Кто же это?

Почему голос такой знакомый?

Сеньор Мартинес сделал небольшой шаг в сторону двери.

Он привык: любых подозрительных визитеров стоит опасаться. В былые годы, когда приходилось менять паспорта, жилища и даже страны, страх был очень острым. Но теперь, когда он осел и превратился в сеньора Мартинеса, чувство опасности притупилось.

Он верил, что теперь никому не понадобится до самой смерти.

И вот – на тебе! – кто-то пожаловал.

Хотя непонятно, кто.

Впрочем, может, и не стоит сгущать?

Может быть, это муниципалитет прислал социального работника?

Вот только отчего голос такой знакомый? Голос из прошлого...

– Сеньор Мартинес! – не унимался визитер.

Старик вздрогнул – ему показалось, что он вспомнил хозяина этого голоса.

– Я знаю, что вы дома! – продолжал настойчивый гость.

Старик беспомощно оглянулся. Будь он помоложе, стоило бы бежать без оглядки. Но сейчас силы уже не те... Кроме того, смертная казнь нынче отменена – и в этом карликовом королевстве, где он собирался дожить оставшиеся годы, и на его родине.

Но умирать в тюрьме он не собирался. Поэтому оставалось одно – дорого продать свою жизнь.

Или хотя бы попытаться это сделать.

Стук повторился.

Старик медленно подошел к столу и достал из ящика заряженный пистолет. Хорошо, что местные законы позволяли легально приобрести оружие. Холодное железо в морщинистой ладони придало ему уверенности.

Что ж, если это за ним, то один из визитеров (а наверняка их несколько, а еще кто-то, надо полагать, стоит возле окон, прикрытых жалюзи на время сиесты) получит пулю в голову.

Сразу и напавал.

Старик прикрыл пистолет лежавшей на столе газетой, прошаркал к двери – и резко ее распахнул.

Визитер был один.

И его вид заставил руку старика дрогнуть.

Он едва не выронил оружие.

– Вилли?

Старик помотал головой, отгоняя наваждение.

– Вы – внук?... – Он никак не мог решиться произнести фамилию.

– Нет, Юрген. Не внук. Первое впечатление – самое верное, и ты об этом должен помнить.

Я – это я.

Посетитель – высокий мужчина с коротко подстриженными светлыми волосами – улыбнулся.

– Как ты мог сохраниться? Ведь прошло столько лет... Или... Вы... ты – призрак?!

– А ты стал верить в привидения? – хмыкнул человек, которого звали Вилли. – Что ж, от такой жизни во что только не уверуешь!

Он бросил взгляд на скудную обстановку и покачал головой.

– Убери пушку, Юрген. – Человек произнес это по-немецки, указав на оружие, которое старик все еще держал в руке. – Сегодня она тебе не понадобится. Ведь призраков сталь не берет... Лучше присаживайся и выслушай меня.

– Я думал, что ты тогда... В Берлине. – Старик заморгал, все еще не веря, что такое возможно. – Но почему ты не состарился?

– Знаешь, дружище, – вздохнул визитер, – года два назад я выглядел похуже твоего. Передвигался лишь в инвалидной коляске! Полупаралитик, хорошо еще, что без малярии и болезни Альцгеймера. Как Рональд Рейган. – Он вновь рассмеялся. – Тем не менее уже подумывал, а не пришла ли пора выпить заранее припасенного яда – пока еще не потерял рассудок и не стал ходить под себя. И вот именно тогда мне сделали предложение, от которого я не смог отказаться. И ты, Юрген, не сможешь, когда меня выслушаешь.

Мартинес посмотрел на своего собеседника.

Откровенно говоря, визитеру нельзя было бы дать и тридцати. Как будто и не было мучительных десятилетий страха и скитаний.

– Ты...

– Хочешь сказать – не лгу ли я? – Вилли нахмурился. – Мол, мистер Мартинес, покиньте на минутку ваше убежище, оставьте оружие – а вас на улице уже ждут... герр Юрген Клаус? Так, что ли? Я когда-нибудь тебе лгал?! И отыщется ли такой предатель среди оставшихся в живых – пусть даже выживший из ума?

– Хотел бы тебе верить, Вилли. Только ты говоришь о невозможном.

– А возможно ли было нищему венскому художнику стать фюрером?! Однако же стал. Погляди, если не веришь. – Он скинул пиджак, почти мгновенно закатал рукав рубашки. – Погляди...

Да, синяя татуировка в виде головы льва в диадеме, пусть и выцветшая, никуда не делась. И две руны-молнии под ней – тоже. А значит, это был и в самом деле либо Вилли... либо его призрак. Только какой-то уж чересчур материальный.

– Узнаешь? Ну, еще бы тебе не узнать.

– Но как?!

– Резвость ты утратил, любознательность – нет. – Посетитель широко улыбнулся. – Значит, так нас приглашают на службу. С нашим опытом, с нашим презрением к смерти, с нашей клятвой. Нанимателям пригодится все! Взамен – омоложение и целый мир. Да-да, Юрген, целый мир! Мир, который надо завоевать и учредить в нем порядок – тот, который мы посчитаем нужным! А в качестве приложения у нас будет своя армия и рабы. Как в старые добрые времена...

Больше всего Юргену хотелось зажмуриться. Тогда, возможно, призрак развеется и оставит его в покое.

Он и в самом деле прикрыл глаза, откинувшись в кресле-качалке, стоявшем около стола. Впрочем, это не помогло: морок и не думал рассеиваться.

– Мы ведь были молодыми богами! Разве тебе не хотелось бы воплотить в жизнь прежние мечты? У нас будет планета. Своя. Собственная. Свой мир. Повоевать придется, но это не будет сложно или страшно. В Нормандии бывало гораздо хуже. Да, учти, не все избранные – из нашей службы. Есть и бывшие враги. Когда дашь согласие, познакомишься с новыми товарищами. Мы пока называем себя штабом. Кстати, после омоложения можешь забыть о страхе преследования

– ведь они ищут старых нацистов, а не молодых командос. Соглашайся, и ты станешь таким же, как я, Юрген. А потом года три подготовки – и вперед...

Он встал, порывистым юношеским движением шагнул к стене, на которой стрекотал кондиционер.

– Хотя бы включил, душно тут у тебя. И мрачно, как в гробу!

Юрген, он же сеньор Ромеро Мартинес, был готов поверить, что сошел с ума, что все происходящее – сон или старческий маразм. Но Вилли, человек, явившийся из прошлого, своим присутствием отгонял эти мысли.

– Таких, как мы с тобой, сейчас в мире уцелели единицы, – не останавливался его бывший однопольчанин. – Верных, готовых на все. Поэтому я понял: место при штабе должно быть за тобой.

– Но в мире пока не существует технологий бессмертия и омоложения, – попытался было возразить Юрген.

– Так я говорю не о Земле. Считай, что это – дар богов. Их зовут не Один и не Фрейр, но суть не меняется. Да и боги они только в сравнении с нами. Не думай пока об этом. Твоя задача – спокойно покинуть вместе со мной это жилище. Думаю, сожалеть ты о нем не будешь. Дальше – машина, аэропорт, клиника на базе. А вот потом, когда песок из тебя перестанет сыпаться, тебе будет чем заняться.

...Признаться, сердце «сеньора Мартинеса» несколько раз тревожно екнуло, когда он вместе со своим спутником оказался на крыльце дома.

Померещилось, что за дверью их поджидает пятеро вооруженных парней в безупречных костюмах.

«Юрген Клаус, вы арестованы!..»

Хотя гораздо хуже, если вместо них оказались бы другие – смугловатые латиносы с черными вьющимися волосами. Вот уж от этих таким, как «сеньор Мартинес», точно ничего хорошего ждать не приходится.

Старый офицер СС не хотел признаваться в этом даже себе, но этих он боялся больше всего на свете.

Но все страхи были напрасны. Выжженная солнцем улица маленького городка была пустынной, если не считать лежащей в тени собаки, даже не соизволившей поднять голову.

Собаке было не дано понять, что на ее глазах творятся чудеса, и для двух бывших эсэсовцев здесь начинается дорога из пыльного городка в далекий мир под названием Плацдарм.

Собака зевнула и отползла поглубже в тень.

Глава 1

Человек прилаживал к стволу толстеного дерева рюкзак.

В дело пошли даже свисавшие липкие нити в палец толщиной, свисавшие где-то около верхушки в узорчатую ловчую сеть. А туша хозяина этой сети валялась сейчас у корней дерева, и его терзали какие-то мелкие зверушки.

При жизни этот древесный ткач совершенно не напоминал земного паука, скорее восьминогую болонку, вообразившую себя Аргусом и отрастившую восемь раскосых глаз с ромбовидными черными зрачками.

Винтовочная пуля разворотила ему брюхо в тот момент, когда ткач кинулся в атаку на наглого двуногого, по-хозяйски резавшего его сеть ножом.

Человек довольно хмыкнул, оценив свою работу, и начал спускаться. Для этого он уже не использовал паучьи тенета, положившись на веревку и карабин. Опустившись на землю и распугав мелких трупоедов, он снял с плеча древнюю винтовку, несколько лет назад выуженную им из болот Новгородской области далекого мира со странным названием «Земля», и налегке зашагал по лесу.

К стволу чудом спасенной от ржавчины винтовки-ветерана был примкнут штык того же происхождения. Слева на поясе в роскошных кожаных ножнах висел нож-мачете, входивший в комплект для выживания то ли космонавтов, то ли сбитых летчиков и как раз перед отправкой прошедший экспериментальные испытания где-то на Енисее. Справа с ней соседствовал славный «стечкин» в традиционной деревянной кобуре, а по заднице путешественника хлопала фляга.

Человек углубился в чащу.

Казалось, он идет к вполне определенной цели, полностью ею поглощен и оттого не обращает внимания на дикий вид растительности вокруг.

А посмотреть меж тем было на что.

То и дело ему попадались приятно пахнущие нежно-розовые цветы, чьи пышные бутоны покачивались на стеблях метрах в трех от влажной жирной земли; древесные гиганты, вросшие в твердь на пригорках, на первый взгляд напоминавшие земные дубы, вместо желудей покачивали на ветерке разноцветными плодами величиной с кулак, напоминающими россыпь новогодних игрушек, развешанных чьей-то озорной рукой.

Роща деревьев, напоминающих земные тополя, была человеку едва не по пояс, а рядом же высился гриб, до верхушки алой шляпки которого не смог бы дотянуться и какой-нибудь знатный литовский баскетболист, даже встав на цыпочки.

Трава, правда, была по виду вполне привычная, упругая, зеленая и густая; стая пестрых птичек беспечно щебетала на лианах.

Человек, однако, был совсем не рад этой идиллии.

Оглядевшись, он положил винтовку на траву, ругнулся и взялся за ребристую рукоятку «Тайги».

Лезвие мачете утолщалось кверху, отчего нож знатного выбивальщика напоминал меч инопланетного монстра для левой клешни. Однако рубила кусты и лианы эта штукавина прекрасно.

Человек мысленно похвалил себя за сообразительность.

Ему уже не раз пришлось корить себя за мелкие упущения в снаряжении, но тут он явно не оплошал. Рассерженные птицы перелетели подальше и возобновили прерванные песнопения. Человек медленно, но верно пробирался в переплетении ветвей и листьев. Сквозь птичий гомон он разобрал рокот моря и ускорил работу.

– Все же – остров?

Он вернулся по проходу назад, пряча «Тайгу» в ножны, и, прихватив винтовку, выбрался под безжалостный свет местного светила.

Это действительно был самый что ни на есть обычный по виду морской пляж – с песочком, полосой мокрой гальки, трухлявыми бревнами, запахом разлагающихся моллюсков и даже парочкой пальм вполне сухумского вида.

Океан тоже был обычным – голубым, тихим, бескрайним.

С обратной стороны острова, где человек прошлым днем уже побывал, был виден берег континента.

Километров пять – это как, близко или далеко?

В зависимости от того, как ходят пароходы.

Пароходы здесь ходили хреново.

Не было здесь пароходов.

Первобытный мир был девственно свободен от какой бы то ни было техники, выхлопов и выбросов – вот бы порадовался какой-нибудь «зеленый», окажись он здесь вместе с другими колонистами. Гринписовца бы в первые же секунды съели комары, ну, если бы не съели, то он все равно умер бы без души и телефонной связи, гамбургеров и рекламных щитов.

Отечественный «зеленый», пожалуй, все же подергался бы.

Интересно, лениво подумал человек, бредя по песку и волоча за ремень «маузер», каково бы было экологисту отбиваться осколочными гранатами от тутошних «леопардов-коллективистов», охотящихся стаями.

Ему пришлось выдержать подобное сражение не далее как вчера.

И пусть «леопарды» были величиной с пуделя – но их было десятка полтора, дымчатых, бешеных и дурных.

На стаю ушел весь запас гранат.

Человек остановился, задумчиво рассматривая огромные вмятины в песке, идущие от моря в глубь пляжа. Тревожно обведя взглядом песчаный берег и далекие волнистые просторы, человек пошел по следу.

Вмятина делала громадную петлю и удалялась обратно в океан. Когда, зло плюнув, человек собирался идти от греха подальше под сень леса, нога его провалилась в подозрительно податливый и рыхлый песок. Радуюсь, что не вывихнул лодыжку, он присмотрелся повнимательнее. Сомнений не было – внутри виднелась скорлупа гигантского яйца, только серо-голубого и несуразно большого.

Кряхтя, странник вытащил его на поверхность.

Оно оказалось не тяжелее рюкзака.

Он повертел находку на песке и ничтоже сумняшеся разбил прикладом. Вытекла белесая клейкая жидкость, что-то зацарапалось внутри.

Человек отскочил.

Показалась зубастая голова, змеиная шея и лапы-лопасти.

– Ничего себе... – протянул человек.

С надеждами на обед пришлось распрощаться – жрать какого-то динозавра, пусть и новорожденного, было противно.

– Зря только животину сгубил. Интересно только, какого же размера у него мамаша? Целое лохнесское чудовище? – бормотал он, отступая и гадливо сплевывая, пока маленькая рептилия беспомощно копошилась в песке, свивая длинный хвост в кольца. Тут земля в паре метров от него осыпалась, и на свет выглянуло еще одно такое же чудо, покрупнее.

Оно быстро обтерло слизь, после какой процедуры от головы до хвоста стал заметен синий, пока еще мягкий гребень, и поползло к морю, загребая лапами и вереща. Затем выполз еще один.

И еще.

Выпущенный человеком на волю змееныш уже оклемался и тоже двинулся к прибою. Внезапно со стороны чащи послышался странный скрип и шорох.

Человек резко повернулся, поведя винтовкой на звук.

От опушки к нему деловито спешил краб, скрипя хитиновыми волосатыми лапками по шипастому панцирю. Глаза, словно перископы, торчали как-то вразнобой – один был направлен по ходу движения, второй тшился заглянуть куда-то вбок.

Панцирь его был в высоту сантиметров тридцать, в ширину – взрослому человеку не ухватить, и качался в полуметре от земли. Левая клешня, напоминавшая садовые ножницы, волочилась по песку, правая – воинственно уставлена на двуногого.

Человек ткнул его штыком.

Краб молниеносно вскинул клешню, и винтовку едва не вырвало из рук.

На хитине осталась неубедительная царапина под левым глазом, быстро юркнувшим в недра панциря. Человек попятился, прицелился и выстрелил. Коленце одной из боковых ног ракообразного разлетелось, как глиняное, но краб двинулся дальше. Человек побежал, едва не наступив на очередного вылупляющегося монстрика.

Потом, чертыхнувшись, он остановился, передернул затвор старинного оружия и заставил себя обернуться. Краб, держа добычу высоко в воздухе, как раз перекусывал ее пополам. Извивающийся хвост исчез в прихотливо устроенной ротовой полости убийцы, а малая клешня уже ухватила поперек туловища новую жертву.

Раздался громкий крик, шум ветра и крыльев.

Метрах в пятидесяти на песок опустилась невесть откуда взявшаяся громадная белоснежная птица – хвост распушен, клюв словно тонкая и длинная шпага, лапы перепончатые. Вразвалку, словно беременная утка, птица направилась по следу мамы лохнесских чудищ и принялась тыкать в песок своим клювом, пытаясь отыскать яйца.

– Пора сваливать, – сам себе прошептал человек и попятился к лесу, с каким-то суеверным ужасом наблюдая за всем происходящим.

Уже с десятков гигантских крабов и три птицы занимались истреблением младенцев, к ним присоединился вполне земных размеров то ли варан, то ли крокодил, в воде тоже мелькали треугольники плавников и грязно-белые брюхи. Геноцид шел полным ходом, однако десятки, если не сотни свежавылупившихся динозавриков все же успевали доползти до волн и броситься в спасительную воду.

Видимо, там они были не так беспомощны...

Человек вдруг крикнул и едва поборол желание бежать не оборачиваясь.

В тучах брызг на берег вылезала крупная особь лохнесского чудовища, словно живой экспонат фильма ужасов. Оскаленная пасть, с которой потоками льется на гальку то ли слюна, то ли морская вода, над ней – вполне осмысленные глаза синего цвета. Шея – метров десять, не меньше, лапы взрывали песок, словно траки танка. Хвост еще взбивал в пену воду, а маленькая головка выстрелила вперед со скоростью, поражающей воображение, и походя схарчила краба.

– Мамаша? Тогда она просто разнесет этот участок берега.

Однако когда мародеры разбежались и разлетелись, прибывший монстр привнес масштаб в происходящее – не размениваясь на отдельно ползущих динозавриков, он лапами вскрывал целые гроздья яиц и с диким хрустом их изничтожал.

– Пожалуй, это – папаша. У нильских крокодилов такое случается. Так что в пролив можно соваться, только построив броненосец. Да и то...

Человек угрюмо побрел к своему дереву.

Приглядевшись, чем питаются птицы, напоминавшие попугайчиков, он набрал полные карманы каких-то кислых ягод.

Потом подстрелил дикого вида взъерошенную птицу, пытавшуюся пробежать мимо него по своим делам на длинных лысых ногах, не переставая напряженно думать.

Судя по маячку, на судьбу ему жаловаться не стоило.

Он находился от места «Икс» от силы в десятке километров.

Однако добрая половина этого пространства была залита водой первобытного моря.

– Есть, однако, и плюсы. Похоже, остров хоть и велик, но особо грандиозных сухопутных хищников тут не имеется. Прекрасный плацдарм для адаптации, что и говорить.

Махнув рукой на опасности леса, человек развел костер и принялся неспешно перебирать вещи в рюкзаке.

После прибрежных чудищ сухопутные жители казались сущими крохами. Слегка поколебала его спокойствие сороконожка, размером с хороший шланг от пылесоса, устремившаяся к нему из-за родного дерева с самыми, надо полагать, гнусными намерениями.

«Тайга» не подвела и тут.

Опасаясь яда и вида членистоногого вообще, человек наколол обезглавленный, конвульсивно дергающийся труп на штык и, зашвырнув его подальше, вернулся к прерванному занятию.

Он погладил рукой теплый вязаный свитер, шапочку, походный столовый прибор, потрогал руками корешки двух-трех любимых книг, странновато выглядевших на фоне буйства дикого мира, щелкнул одноразовой зажигалкой, с грустью думая, что эта нелепая игрушка вполне может для него символизировать технотронный век и далекую индустриальную цивилизацию.

Со временем этому предмету суждено стать сувениром в новом мире.

До остальных вещей дело не дошло.

Человек услышал выстрел.

Далекий-далекий, с той длинной, уходящей в океан лесистой косы, которую он еще не исследовал.

– Ага. Прибытие продолжается!

Но человек никуда не торопился.

Он испек на углях и съел птицу. Поковырявшись в маленьком непромокаемом мешочке, достал и выпил пригоршню поливитаминов, направился к ручью и вдоволь напился.

Что и говорить – здесь он словно отдыхал от человеческого общества.

Что в лесу страшнее всего?

Человек.

Особенно вооруженный.

А все колонисты теоретически были вооружены до зубов. По крайней мере, всем была предоставлена возможность вооружиться по последнему слову техники, лишь бы на себе можно было нести.

Встреча была неизбежна, но торопить события человек не хотел.

* * *

Робинзон обнаружил своего «соседа» где и ожидал – на заросшей косе, глубоко вдававшейся в морскую гладь.

«Сосед» сидел возле костра и увлеченно наблюдал, как жарится какая-то дичь.

Человек явно был неравнодушен к пище.

Это было заметно не только по изрядному брюшку и лоснящейся физиономии, но и по россыпи опустошенных консервных банок. Робинзон, из-за кустов наблюдавший эту идиллическую картинку, хмыкнул.

Человек явно был бестолков – сам Робинзон свои запасы не трогал.

НЗ – дело святое, на случай ранения, болезней.

Облик человека был совершенно дик и контрастировал с окружающей действительностью.

Потертые джинсы, тельняшка, хотя к флоту этот товарищ ну никак не мог иметь отношения, вязаный свитерок, тщательно приведенный в негодность неумелой стиркой.

Все же следовало подойти и попробовать вместе посообразовать, как выбираться на континент.

Смущало одно – с обликом «соседа» совершенно не вязалась «Сайга», маленькая, черненькая блестящая машинка, мелкокалиберный спутник профессионального телохранителя.

Такую в джунгли и пустыни населенного опасным зверьем мира мог взять только профи, влюбленный в свою трещотку, которому нипочем маломощные пули, отсутствие приклада и прочие ненужности.

Даже человек сугубо гражданский взял бы что-нибудь помощнее.

Или, допустим, рюкзак.

У бородатого «соседа» была какая-то дрянь из кожаменителя. Где у него, интересно, хранятся магазины той «Сайги».

Даже ножа и топорика не видно.

Наверняка складная какая-нибудь игрушка с пилкой для ногтей, штопором и открывашкой. Нет, у такого – с вилкой или ложкой, а то и с обоими первейшими в джунглях предметами вместе.

Робинзону сосед категорически не понравился.

Он выполз из-за своего укрытия и направился назад, стараясь не наступить на мелких ящерок, гревшихся на антрацитово-черных овальных камнях. Не прошел он и пары десятков шагов, как «маузер» сам прыгнул к плечу – куст впереди явственно шевельнулся. Затем оттуда послышалось негромкое рычание, и на открытое место вышла собака породы боксер, слюнявая, с купированными ушами и в ошейнике.

– А мог и пальнуть, – буркнул Робинзон, опуская винтовку и садясь на четвереньки. – Ну, иди сюда, друг человека. Ты чей? Того лохматого чувака?

Собака еще раз рыкнула для порядка, но обрубок хвоста бешено завилял. Брызжа слюнями, пес упал на спину, перекатился и вскочил.

Робинзон рассмеялся, с сожалением вспоминая свои терзания – брать собаку или нет? Так и не решился.

А толковая охотничья псина как сократила бы время добычи пропитания. И стоянку бы ночью стерегла.

Это тебе не человек.

Можно и поболтать, и просто так рядом посидеть.

Собака встала и, побежав в сторону зарослей, за которыми виден был костер обжоры, зло зарычала.

Затем гавкнула, посмотрела на человека и зарычала снова.

Робинзон почесал затылок.

– Да я и сам знаю, что он козел. Значит, не евойный ты? Это что же, еще кто у меня на острове есть? Собакам предложения по отправке все же не делали, надо полагать. Где твой хозяин?

Собака села на задние лапы, тряхнула влажными брылями и завyla. Потом, собрав морщины на лбу и шевеля ушами, обежала человека, остановившись опять напротив кустов, ведущих к «соседу», и залаяла.

– Ладно, пошли, а то ты мне сюда этого приманишь, а мне с ним беседовать пока не хочется. Уж лучше динозавры и крабы.

Собака бежала куда-то очень целенаправленно, то и дело возвращаясь и облаивая обратную дорогу, крутясь вокруг человека, а у того голова была полна самых черных подозрений.

Он вспоминал военный ранец, распотрошенный, небрежно брошенный кем-то бестолковым в десяти шагах от лощинки, ведущей к привалу «соседа». Только сейчас он вспомнил, что в ранце, кроме вполне приличной плащ-палатки и разбитой от падения на камни оптики, над которой Робинзон страшно горевал, была масса пустого места, и этикетки от консервов, хотя самих банок, равно как и фляжки, от которой остался чехольчик, не было.

Тогда он запрятал ранец под куст, резонно решив порыться в нем тщательнее, и отправился на поиски «соседа».

Боксер подлетел к поросшей красноватой травой яме, уселся на край и тоскливо завыл. Полный самых гадких мыслей, Робинзон заглянул в полное воды углубление в земле.

Так и есть.

Там лежал человек.

Мертвый.

Точнее – убитый.

Удар был нанесен по шее чем-то весьма острым и оборвал жизнь мгновенно. А вот на траве и орудие убийства – туристический топорик, заляпанный бурым. Бросил его убийца с перепугу.

На мертвце был импортный «лифчик» под гранаты и магазины. Все еще не веря, Робинзон опустился на колени, маузеровским штыком срезал лифчик. Магазины были те самые, от оружия «для самообороны гражданского населения и служб внутренней охраны объектов» по имени «Сайга».

Гранаты, в карманчике – запалы.

Знаменитая лимонка, мечта всех советских школьников.

Пес ворчал, но терпел мародерство.

Ругая себя последними словами и понимая, что иначе нельзя, Робинзон переправил к себе все мало-мальски полезное из «лифчика» и карманов куртки мертвца. Затем, едва не поцапавшись с боксером, предал труп чужой земле, поднял винтовку и выстрелил.

«И таблички не поставишь. Не для кого. И что писать? Документов у нас ни у никого нет, а обстоятельства... убит топором голодным сукиным сыном из-за консервов и берданки?»

Робинзон, не оборачиваясь, пошел к месту стоянки «соседа», присоединяя штык, бор-моча: «Ублюдок... сам не озаботился снарядиться, так на тебе... подошел поболтать, наверное, и р-раз... Ведь мог и попросить. И жратвы, и оружия... Или сам чего соорудить...»

Боксер остался выть над могилой, и вой этот был страшнее рева морских чудовищ. Робинзон, не скрываясь, пер напролом. Колючие ветви расцарапали лицо, от душившего его бешенства он едва не налетел на висевшего посреди лощинки лжепаука.

Тот взлетел на клейкой нити вверх и ввинтился в крону, зло скрежеща жвалами.

Вот и стоянка...

На треск ветвей «сосед» вскочил.

Увидев человека, призывно замахал руками. В левой у него был кусок мяса, с которого на тельник капал сок. Робинзон, видя только его контур, шел вперед молча, выставив перед собой штык, и даже не услышал удивленного возгласа и не почувствовал момента, когда сталь пронзила плоть.

Глава 2

А на другой оконечности континента еще один человек в запыленном камуфляжном костюме с громадным рюкзаком за плечами устало брел со стороны бескрайней саванны к туманному мареву над болотом, поминутно оглядываясь и поглаживая карабин.

К полудню воздух потеплел, но вместе с тем стал и более сырым.

От болота к небесам чуждого человеку мира поднимались пласты нагретого воздуха, пропитанные удушливыми испарениями.

Запах тины и медленно перегнивающих растений мог свалить с ног и слона, если бы тот вдруг оказался высажен в этом дивном новом мире.

– Однако солнце в зените. Хотя, конечно, какое же это солнце! Так, пародия. И цвет какой-то блеклый; и свет – будто не лучи, а потеки.

Он принялся выхаркивать мельчайшую пыль, досаждавшую ему на просторах саванны несказанно. Красноватый песок, без видимых колебаний атмосферы, забирался за ворот, в нос, неведомым способом оказывался в ботинках, от чего ноги путника горели так, словно он неделю бегал трусцой по наждачной бумаге.

Вскоре стали появляться поблескивающие озерца, клочками пошел фиолетовый мох с тучами мелкой гнуси, вьющейся над землей стаями, поминутно складывавшимися в серебристые призрачные фигуры.

Услышав далеко за спиной, со стороны открытой степи хриплый вой, человек заторопился. Мимо искривленного сухого дерева, желтоватая кора которого висела, словно лоскутья гниющей кожи на прокаженном, он почти пробежал, косясь на десяток здоровенных черных птиц.

Вид их был ему незнаком, как и других представителей биосферы вокруг.

Однако груда костей, отвратительная вонь, красные морщинистые шеи и крючковые клювы наводили на мысли о санитарях природы.

– Кто вас знает, птички. Может, вы здесь многопрофильные. Лучше сидите себе смирно – и я патроны сберегу, и вам, падальщикам проклятым, спокойнее будет.

Он погрозил грифоподобным тварям кулаком.

Одна из птиц клекотнула, расправила крылья, от чего густое зловоние заставило человека отшатнуться и въехать ногой в тухлую водицу небольшой лужи, и нагло, громко и отвратительно заорала. Издевательские звуки словно бы сложились в замысловатые слова какой-то гортанной речи. Высказавшись таким образом, падальщик как-то нелепо, боком, едва не падая, слетел вниз и, подволакивая левую лапу, заковылял к человеку.

– Э! Э! Ты не очень-то!

Путник и сам был не рад, что начал задираться с местными чистильщиками – птишка была аховых размеров.

На Земле такая, пожалуй, и взлететь бы не смогла.

Человек отступил, поднимая карабин, гриф же странно, по-лошадиному, всхрапнул и гулко сглотнул, от чего комок прокатился сверху донизу по голой алой шее, утонув в коричневом пуховом воротнике. Затем падальщик склонил лысую голову на плечо и гадкой синей пленкой прикрыл левый глаз.

– Как знаешь, трупоед, как знаешь, – пробормотал человек и нажал на курок.

Башка птицы разлетелась, а тело вдруг ломанулось к своему убийце, развернув крылья и хлеща во все стороны густой кровью, но подвернуло лапу и ухнуло в ряску. Звук выстрела по сравнению с поднявшейся какофонией казался райской музыкой. С дерева взмыла вся стая, картаво выхаркивая угрозы, и закружилась над стрелком.

– Ну вот, снова нескладуха. Четвероногие-то хоть поостерегутся соваться за мной в болото, по крайней мере, хочется в это верить. А эта гнусь везде достанет. И видно их весьма далеко. Как бы еще не понабежало да не поналетело любителей падали. Блин горелый! Все не в кассу!

Беглец, не останавливаясь, перевел карабин на режим автоматической стрельбы. В голове пронеслась заполошная мысль – мол, еще не хватает все патроны на трупоедов пожечь, – а он уже несясь быстрее лани, поминутно поднимая озабоченное лицо вверх и петляя меж озер.

Но тутошняя разновидность стервятников отнюдь не пылала жаждой мести.

В небесах кружила теперь только парочка особо суетливых, остальные же, по-видимому, спустились перекусить мертвым товарищем. Однако оставались еще четвероногие, что весело и жутко смеясь, весь день кружили вокруг путника, звериным чутьем догадавшись не подходить на дистанцию верного выстрела, однако умело и организованно отжимая того к трясине.

– Ничего, ничего. Вы еще не знаете, что я за тварь. И в болотце влезу, и в реку войду. Не просто будет меня догнать и сожрать. Да и об огнестрельном оружии вы понятия не имеете.

Вскоре вереница темных собакообразных силуэтов промчалась под деревом, встревожив падальщиков.

Резко заголосив, они взмыли в небеса.

Под ногами упруго пружинил мох, высокие шнурованные ботинки давили сочные гроздья крупных ягод всех мыслимых цветов, застревали в удивительно цепком, стелющемся над землей папоротнике, следы рубчатых подошв уже заполнялись мутной жидкостью.

Дышать стало значительно тяжелее – приторный аромат гниющих растений и благоухание водяных цветов вливались в раскаленные трахеи медленно и тягуче, как вода. Пару раз из-под ног бегущего вспархивали птицы, раз он едва не налетел на клубок небольших змей, а ядовито-оранжевый приземистый куст вдруг поднялся и на трех мохнатых ножках умчался к ближайшей яме, полной клубов синего пара химического вида.

Сзади вновь раздался охотничий клич стаи – дьявольское похихатывание и твяканье.

Наконец человек въехал ногой в яму, служившую входом в берлогу невесть какой твари, и, окатив себя грязевым фонтанчиком, остановился.

Дальше была трясина. Местность, открывшаяся беглецу, навевала исключительно безрадостные мысли.

Была она донельзя унылой и тоскливой.

– Печален и причудлив лик Гримпенской трясины.

При каждом слове горло человека начинали немилосердно драть попавшие туда на бегу частицы пыли.

Улыбка тоже вышла похожей на оскал.

Повсюду, куда хватало глаз, из густой жижи, подернутой ряской, топорщились тростники и камыши, через заросли змеились водяные протоки, иногда сплетаясь в самые натуральные ручейки и речушки; воздух над ними не кишел насекомыми и туманными клубами. Бежать в этом месиве было совершеннейшим безумием, верной суицидной попыткой, и отнюдь не потому лишь, что в переплетении тонких и ломких на вид стеблей мог оказаться зверь поопаснее преследователей. От зверья человек рассчитывал отбиться огнем, штыком и прикладом, но быть засосанным банальной неземной грязью в его планы не входило.

Он остановился, перевел дух, вернул рычажок на одиночную стрельбу и стал выискивать своих врагов в дрожащем мареве.

Слабая надежда, что хищники саванн оставят свою добычу в этом зыбком царстве, рассыпалась: в тумане мелькали горбатые силуэты, обходя человека полукругом. Вот самый шустрый преследователь выскочил на кочку и азартно захохотал, подбадривая дружков, и человек наконец сумел толком его разглядеть.

Размером и раскраской животное вполне годилось в родственники гиенам Африки. Правда, громадные уши, подходящие летучей мыши, с кисточками на концах, впечатляющая серебристая грива и здоровенный пучок пуха на хвосте несколько искажали образ, созданный характерным смехом. Помимо этого, твари эти были словно пародии, гротескные карикатуры на африканских королей пустыни. Все мерзости и несуразности в гиеньем облике и поведении были утрированы до последней крайности. Передние ноги, значительно длиннее и толще задних, вместе с изрядным горбом, широченной грудью и гривой формировали несказанно угрожающий силуэт. Большие глаза сияли гнойным блеском и не имели зрачков – одни красные крапинки.

Самым же неприятным оказалась походка этих тварей.

Они то семенили, дико вихляя, то подпрыгивали на месте, попеременно вскидывая то тощий, низко посаженный зад, то мощный торс.

Когда же они бежали, то в движениях сквозило что-то неуловимо обезьянье. Человек невесело захохотал, углядев, как одна из этих «собачек», старавшаяся приблизиться к нему слева, забила себя хвостом по бокам, неуклюже скакнула с кочки на камень и вдруг пошла самой натуральной иноходью, являя собой зрелище совершенно уже ненормальное.

– Ну что, сукины дети! Я на вас отвожу одну обойму, не больше.

Казалось, голос его послужил сигналом к нападению. Подпрыгивая и подскакивая от возбуждения, подбадривая себя хохотом и неожиданно визгливым лаем, гиеновидные кинулись – грамотно, по-волчьи, вразнобой.

Однако пули были быстрее.

Вторая волна атакующих совершала скорее беспокоящие наскоки. Стая начинала понимать, что добыча какая-то неправильная.

Человек выстрелил еще дважды и длинно, громко заорал. С такой тоской и злобой могло быть одно лишь существо во вселенной – «простой советский гомо сапиенс», которого злой рок загнал вначале в чужой мир, а потом окунул в болото, в компании отвратительных существ, пытавшихся съесть его, в то время как сам он вот уже двое суток не имел во рту и маковой росинки.

Пять или шесть псов озадаченно остановились, примолкли и принялись усаживаться прямо в грязь, беспокойно поводя ушами.

В тине копошились четыре раненые «гиены», одна уже замолкла, напуская в лужу кровавых пузырей из разорванного пулей горла.

Стайные хищники, такие как эти и им подобные, атакуют с ближней дистанции. Человек поэтому не промазал ни разу, однако восьмипатронный магазин карабина «винчестер-магнум» был пуст. Если бы вожак мог осознать смысл сухого металлического щелчка, то по достоинству бы оценил жертвенный наскок незадачливого стервятника, на которого ушел драгоценный выстрел.

Человек перестал орать и зашвырнул карабин за спину, не возясь с пластиковой обоймой. Атакующие вновь возбужденно заскакали и забегали, хохоча и примериваясь для нового броска. Более сообразительный вожак – даже с такого расстояния человек разглядел задорно мотающийся обрубок солидных размеров меж задними ногами – запрыгнул на гранитную глыбу поодаль и лаял на раненых товарищей. Этому престарелому самцу, доминировавшему в своре, совершенно не хотелось умирать.

Человек, держа в левой руке нож и пистолет в правой, медленно пятился.

Не стоило ему наобум соваться в чавкающую жижу, но жить хотелось сильнее.

Вот грязи стало уже по колено, вот – по пояс.

Под ногами еще чувствовалась зыбкая почва, однако возможности для маневра были ограничены.

В голове сидела совершенно неуместная мысль: «А у гиен, например, вообще – матриархат».

К болотной кромке подскочил, словно орангутанг к связке бананов, самый ретивый пятнистый охотник, хихикнул, потрянул ушами и тронул тяжело пузырящуюся влагу. Теперь человека и скалящуюся пасть разделяло расстояние вытянутой руки. Зловонное дыхание било прямо в лицо, находившееся аккуратно напротив улыбчивой гиеней морды. Он успел еще разглядеть два необычайно длинных клыка, желтевших поверх нижней челюсти даже тогда, когда тварь не кривлялась, и дважды выстрелил. Первая пуля влетела в слюнявый зев, разорвавшись внутри гиеновидного охотника, вторая ушла в «молоко», так как человек слегка качнулся, оступился и начал погружаться в трясину.

«Кажется, все», – отрешенно подумал он, тупо разглядывая нож и пистолет, напрочь забыв об адских псах.

Влага наконец пропитала плотные штаны и добралась до тела. Ботинки уже опускались в бездну, едва не срываясь с ног.

На кромке же бесновалась, хохотала и хрюкала стая.

Молниеносный удар клыками-саблями и рывок челюстей положил конец конвульсиям застреленного первопроходца.

Гиены торопливо растерзали раненого, затем принялись бестолково метаться вдоль лужи, не решаясь лезть за строптивой добычей.

Вскоре вожак потянулся шевелящимися ноздрями к тонущему, роняя тягучую слюну, печально взвыл и потрусил назад. Минутой позже за ним вереницей устремились и остальные, досадливо хлеща себя хвостами по бокам.

Некоторое время, пока зацепившийся за корягу рюкзак удерживал человека на плаву, он слышал треск костей, урчание и грозное перелаивание гиеновидных псов, приступивших к «канныализму».

Потом, чтобы хоть что-нибудь делать, он с трудом поднял в безразличные чужие небеса руку и медленно, с расстановкой, несколько раз выстрелил по кружащимся над маревом крылатым силуэтам. Нож безнадежно ушел в пучину, после некоторых колебаний и терзаний человек убрал теплый ствол «Макарова» от русого виска и принялся палить в голову мертвого пса, валявшегося на спасительном и, увы, уже недостижимом берегу, пока не кончились патроны. Затем, когда дурно пахнувшая вода подступила к самому горлу, он запел. Странно звучал осипший голос, странно звучал мотив и слова гимна страны, не существующей ни в том мире, из которого человек пришел, ни в том, где он умирал.

Затем наступила тишина.

Пятнистые псы, бросив прощальные и уже сытые взгляды на его бледное лицо, удалились в саванну.

Только хор земноводных да звон насекомых полнили сырой воздух.

На него села яркая стрекоза, большая, словно ворона, но человек пошевелил бровями, и она улетела.

Коричневатая жижа пузырилась и колыхалась, человек стиснул уже погруженные в нее губы, жадно дыша носом и дико вращая глазами.

Где-то далеко над болотом раздался грандиозный утробный рев, затем еще один, сопровождаемый жирным всплеском, словно рухнул в воду древесный столб. В саванне раздался далекий выстрел, или это ему только показалось?

К кромке болота подползла, оставляя широкую дорожку золотистой слизи, улитка. Тело ее содрогалось и влажно блестело. Добрый десяток мягких рожек ощупали макушку человека, мягко взъерошив волосы.

Из витого домика, величиной с собачью конуру, посыпались в воду пищание создания мертвенно-бледного цвета, тараша алые глаза и шлепая многочисленными перепончатыми лапками. Целый рой их облепил то место, где еще расходился медленный грязевой всплеск.

Потом они стали погружаться в топь.

В глубине омута началась трапеза.

Улитка терпеливо ждала.

* * *

И никто, кроме очень небольшого круга лиц, именуемого «штабом», не знал, почему будущие колонисты, которым, по замыслу, полагалось оказаться возле базы, рассыпались по всему континенту.

Что-то пошло не так.

И очень сильно не так.

Хотя избранный круг землян и предвидел подобную вероятность.

– Вероятный противник? – поднял глаза на окружающих высокий блондин истинно арийского облика. – Время перехода – одно для всех. Хозяева нас предупреждали.

– И что теперь? – поинтересовалась чернявая невысокая девушка с раскосыми глазами. В отряде она ведала медициной, и это было вполне оправданно: в свое время она получила хорошее образование во Франции. А потом с успехом применяла полученные знания в своей молодой стране – мало того, активно внедряла новые подходы. Правда, не к лечению больных – темой ее клинических исследований было изучение порога боли. Свидетелей не оставалось: все, кто поступал к ней из концлагерей, уничтожались после экспериментов.

– Теперь ждем тех, кто прибудет. Контролируем тех, кто «ошибся адресом». Заодно попробуем выяснить, кто из «случайных попутчиков» что-то знает о планах их командования.

– Ха, командование! – расхохотался круглолицый тип. – Тоже мне, да я такое «командование» в свое время...

– Главная ошибка – недооценка противника, – отчеканил ариец. – Помните, что и им помогают силы этой планеты. Если у них нет ориентации на земное вооружение – значит, в запасе есть что-то другое. И это следует выяснить.

– Непременно выясним, – усмехнулась девушка.

– А трупы на здешних чудовищ спишете? – круглолицый не унимался.

– Это уж как сестра-целительница решит, – пожал плечами «ариец» Вилли.

Пришествие продолжалось.

Кто-то и в самом деле «ошибался адресом» – немало тех, кто был предназначен для колонии близ базы, оказалось на ином континенте.

Кто-то был случайно захвачен силовым полем переходника.

На другом полушарии планеты Плацдарм тоже возник комитет по встрече.

И проблемы со случайной публикой образовались у него сами собой.

Но кое-какие различия все же имелись.

Местный «штаб» не спешил раскрывать карты и объяснять: земляне находятся здесь, чтобы воевать. Причем воевать с такими же землянами, как они.

Кто победит, тот и останется на этой планете – вопрос стоял только так.

И никак иначе.

А вот на другом континенте это заранее знали все.

А руководство в лице Георгия Решетникова и его со товарищей неплохо представляло, что за личности верховодят у потенциального противника.

Однако времени для того, чтобы укрепиться на Плацдарме, у двух колоний имелось в избытке.

И его не следовало терять.

Глава 3

Они струились по саванне.

Именно струились, другого подходящего слова человек подобрать не смог.

Живая река, состоящая не из одного десятка тысяч антилопных голов, извиваясь, текла над песками и редкими кустиками, вступая в полосу высоких трав.

Дрожащий раскаленный воздух был полон пыли, топота копыт и мычания.

Поток отрезал человека и от кромки видневшихся в далекой дымке болот, куда, в общем-то и не хотелось, и от пути в обход топей, на северо-запад, куда настойчиво звал маячок. Где-то там, за морем из пыли и склоненных рогов, в нескольких дневных переходах должны были быть люди и надежда.

Человек принялся неумело, но старательно ругаться.

Досталось и немилосердному источнику света, стоявшему как раз в зените, и антилопам, кроме трехрогости, ничем не отличавшимся от каких-нибудь антилоп Томпсона, и темным силам, управляющим отправкой в чужой мир.

Расстраиваться было от чего.

Блуждать по саванне ночью, даже с прибором ночного видения и вооруженным – удел безумца.

А антилопы все струились и струились, соваться под рога и копыта совершенно не тянуло. Стадо украло у человека многие часы дневного перехода, увеличивая и без того громадную вероятность проделать свой дальнейший путь по лику этого мира в желудке какого-нибудь стервятника или шакала.

Человек обреченно махнул рукой и направился к месту своей стоянки.

Это была группа деревьев и маленькое озерцо, каких немало было разбросано по окружающей степи.

Вода и убежище.

Там горел костер, жарился местный грызун, шкурка которого немилосердно смердела, но мясо, как убедился человек на вторые сутки своих скитаний, напоминало курятину.

Предстояла работа – не ровен час, так и придется здесь заночевать, получалось, надо укрепить на ветвях гамак, нарубить достаточно дров, чтобы спасительный огонь опоясывал место ночевки до самого утра.

Человек взялся за туристический топорик.

Работа шла туго и потому, что зной высасывал все силы, и потому, что путник был девушкой.

Прошло никак не менее двух часов, пока не оказалось изведено под корень несколько деревьев, и, лишь нагромоздив кучи хвороста, девушка направилась к озерцу.

Она умылась тепловатой и не очень приятно пахнущей водой, плескавшейся в этой яме, вероятно, со времен последнего тропического ливня, опасливо вздрагивая всякий раз, как на воде колыхалась ряска или проносилась крылатая тень. С местными настырными стервятниками величиной с лошадь она уже была знакома накоротке. Место привала было отбито у целой стаи с боем, и немалых трудов стоило оттащить подальше два смердящих трупа, используя новую модель старой системы Ижевского завода в качестве рычага.

Изящный пластиковый приклад, раскрашенный под карельскую березу, навеки впитал тошнотворный аромат, но во сто крат печальней было бы соседство трупов.

Затем девушка вернулась к своему костру, срезала кусок мяса с аппетитно пахнущей тушки, забралась на нижнюю развилку облюбованного дерева, выудила из закрепленного здесь же ранца мощный бинокль и принялась созерцать саванну.

Очень быстро она убедилась, что треклятое антилопье море приманило на себя множество разнообразных дневных хищников. Это был огромный минус, однако, как и у всякого явления, была тут и обратная сторона – следовало надеяться, что они уйдут по следу потока, обезопасив дневную саванну.

Когда фланги шествия парнокопытных касались колыхающихся высоких трав, оттуда нет-нет да и выскакивали гибкие кошачьи силуэты, расправляясь с потерявшими бдительность.

Ничего особенно интересного девушка не углядела.

Здесь кошачьим далеко было до земных изящных гепардов. Хищники были неуклюжими, блеклыми, раскраской под желто-красный грунт, безо всяких пятен, полос и грив, с длинными, почти собачьими мордами и короткими толстыми хвостами. Девушка отреагировала вполне философски, увидав на коре облюбованного ею дерева красно-желтую шерсть и следы когтистых лап. Огонь и «ИЖ» должны были отвадить хозяина. Боялась она совсем не тигров и им подобных.

В чистом голубом небе, кроме туч стервятников, парили над антилопьей рекой птички покрупнее, то и дело падая вниз и хватая незадачливых трехрогих, без особых усилий унося их, словно сова мышь. Биноколь не давал возможности разобрать подробности, кроме кожистых крыльев и змеиных голов. Пересекать равнину, патрулируемую этими пернатыми, было смертельно опасно.

– Надо было брать зенитный комплекс.

Девушка зябко поежилась, завороченно провожая взглядом очередную «птичку», уносящую антилопу в сторону болот.

Только она успела подумать, что страшнее змей, громадных скорпионов и этих летучих ящеров здешняя фауна ничем не располагает, как это ее неквалифицированное мнение было посрамлено.

Случайно повернувшись, чтобы хлебнуть из фляги еще земного крепкого кофе, она чуть не сверзилась вниз. С южных открытых пространств двигалась перпендикулярно курсу стада пара «тиранозавров», причем пройти они должны были едва ли не в сотне метров от убежища. Девушка судорожно сжала двустволку и принялась поправлять кобуру на поясе. Драконы приближались, взвихряя тучи красной пыли, в которой мелькали какие-то собакоподобные спутники. Но внимание испуганного не на шутку человека было полностью поглощено мощными фигурами «драконов».

Они действительно смахивали на реставрированных Кювье монстров, только вместо гладкой носорожьей шкуры были покрыты густой топорщащейся шерстью под цвет местности. Передние лапки, которым полагалось мерзко перебирать пальчиками где-то у груди, свешивались почти до земли. Полуметровые когти навевали неприятные мысли. Бугрящиеся мышцами загривки также заросли шерстью, но более светлого окраса; головы змеиные, глаза маленькие и донельзя подлые.

Пока девушка прикидывала, возьмет ли такого жакан двенадцатого калибра, дракоши ростом с телеграфный столб и весом черт знает во сколько тонн огласили воздух густым ревом и кинулись на антилоп.

В стае началась паника.

Топочущие и ревущие ящеры еще неслись в нескольких сотнях метров, намереваясь рассечь поток надвое, а желтые силуэты антилоп брызнули в разные стороны.

Этим обстоятельством не преминули воспользоваться другие хищники.

Пока место избиения окончательно не затянуло пылью, девушка увидела неожиданно большое количество кошачьих спин, устремившихся из колосющихся зарослей к потерявшим строй и порядок жертвам. Ящеры, выполнив роль тарана, топтали, рвали зубами и раздирали когтями, подбивали хвостами и падали брюхом, беснуясь почти на одном месте. Они выказывали недюжинное проворство, удивительное для таких размеров. В то же время совсем не были

«тиранозавры» похожи на голливудских монстров, не оставляли они также ощущения тупой первобытной силы – сплошная скорость, верткость, сноровка.

Так ведет себя обезумевший волк, режущий овец в загоне направо и налево, или бешеный хорек, пробравшийся в курятник.

Определенных целей у чудовищ не было – они просто убивали направо и налево все, что двигалось.

Щелчок хвоста не глядя в клубы пыли – и от нахального стервятника этот колоссальный бич оставил брызги и разлетающийся ком перьев, лапы же разрывали пополам подвернувшегося кошачьего. Девушку замутило, и она отвела бинокль в сторонку, стараясь разглядеть спутников «драконов». Те деловито брали в круг и изничтожали выскочивших из этого кровавого бедлама антилоп. Шум стоял невероятный, поэтому она не слышала мерзкого хохота, однако по ужимкам распознала родственников гиен. На таком расстоянии их уши, гривы и кисточки на хвостах вместе с кривлянием прочно ассоциировались у нее с чертями.

– Как же это я побреду по этой степи?

Она спустилась вниз, с отвращением посмотрела на подгоравшую тушку, однако, перебив себя, сняла ее с огня, подбросив еще хвороста. В следующую секунду она упала на спину и выстрелила по верхушке дерева, на которой примостился стервятник. Тот заорал и взлетел, но пошел как-то боком, заваливаясь на крыло, и исчез из вида. Двое других, зависших над озером, словно вертолеты, взвихрили воду, но тоже отлетели. Девушка лихорадочно заряжала «ижик», шаря глазами по небу. А небо было полно всяческих птиц, в том числе и вполне вменяемых размеров. Огонь был от летающих тварей слабой защитой, и она поспешила влезть на свою развилку, где над головой ветви заботливо сплетались в надежный и прочный полог.

– Господи... да что же здесь делается. Других уже, наверное, сожрали, или сожрут. Меня еще кидануло относительно близко от опорной базы.

Губы ее задрожали, она едва справилась с биноклем, чуть не уронив его вниз. Меж тем картина прояснилась. Динозавры жадно насыщались, глотая изувеченных антилоп едва ли не целиком и не живьем. На почтительном расстоянии от них терзали свою добычу «тигры» – их было видно с добрый десяток. Пировали и гиеновидные бесы, поминутно набрасываясь друг на друга безо всяких внешних причин, огрызаясь на кошачьих и отгоняя пернатых, хотя мяса кругом навалено было страшное количество. Деловито шастали стервятники, падали с неба кожистокрылые, а от мелочи местами не видно было травы.

Что же до антилоп, то паника прекратилась так же быстро, как и началась. Поток струился дальше, сомкнув строй и мыча от запаха крови. Только русло его теперь пролегало на двести метров ближе к озерцу и деревьям. Девушку поразила стоическая философия жертв – ни одна голова не повернулась в сторону кровавого пиршества. Сунувшуюся было гиену отогнала пятерка крупных, агрессивных самцов, слаженно кинувшихся на нахалку, и «бесенок» поспешно ретировался к падали, подпрыгивая и вертясь, словно ужаленный.

Девушка почувствовала, что ее уже начинает подташнивать от выпитого кофе, немилосердной жары и всего увиденного. К тому же поднялся ветер, гоня прямо к ней с юга пыль и, что самое неприятное, жар от костра.

– Праздновать так праздновать.

Она укрепила плетеный гамак, еще раз убедилась, что огонь прогорит не скоро, положила ружье поперек тела и мгновенно уснула. Усталость и тревожения погрузили ее в тяжелый сон без всяких сновидений.

Пробудилась она рывком, словно закрыла глаза секундой раньше, чтобы дать отдохнуть зрению. Ее разбудил неясный шум и звуки выстрелов. Она схватилась за ветку и свесила ноги со своего опасно накренившегося ложа. Стреляли где-то довольно далеко на юге, причем длинными очередями, как в кино про войну. А звуки шли снизу, от озера.

– Мама моя... – воскликнула девушка, с суеверным ужасом глядя вниз. А там у озера пили воду сытые хищники. Она разглядела пять или шесть воинственно топорщившихся хвостов с кисточками гиеновидных чертяк, двух весьма и весьма крупных представителей кошачьих – один из них зашел в воду по грудь и лакал, не опуская крысиной головы. На водопое царил мир, даже ушастые адские псы почти не хохотали, деловито отмывая окровавленные брыли.

Костер почти погас, и девушка приготовилась встречать непрошенных гостей. Однако обошлось. «Тигр» учуял ее, рыкнул, побил для порядка себя куцым хвостом, однако, принявшись к дымку, ленивой рысцей направился в саванну. Вослед ему устремились и остальные. Девушка перевела дух и глянула на открытое пространство. Первое, что бросилось в глаза, так это отсутствие антилопьеи реки. Сейчас только хвост шествия и тучу пыли можно было разглядеть на юго-востоке. Там кружились, превратившиеся в точки, пернатые бестии, туда же трусили напившиеся у озера. Динозавров и след простыл.

– Видно, ушли по саванне дальше, пожирая все на своем пути. А может, они тоже здесь пили? Бр-р. Такой и с дерева снимет...

Путь был свободен.

Волна хищников следовала параллельными курсами за верной добычей, равно как и расчетливые летуны.

Однако девушка была ужасно разбита. Она еще раз тщательно огляделась и сползла вниз. С сочным урчанием остатки ее ужина рвал какой-то зверек, по виду и размеру – чистый барсук, с двумя красными полосами от хвоста до носа. Девушка топнула ногой, и зверек отбежал, не выпуская из пасти кость. Она махнула на него рукой, принявшись подбрасывать в костер заготовленные дрова. Немного подумав, она стала швырять в оживающее пламя сырую листву и тонкие зеленые ветви, пучки травы, бледно-желтый кактус. Повалил густой и едкий дым. Она надеялась, что не ослышалась относительно выстрелов, и хоть кто-нибудь разделит с ней путь. Если в первый день она мечтала увидеть людей дней через десять – у базы, не раньше, и очень боялась встретить группу молодых веселых парней с автоматами в руках на фоне дикой природы, тот теперь рада была бы любому двуногому. Двое суток пути, бескрайняя равнина, высокое небо, чужое солнце и буйство клыков, рогов и зубов буквально раздавили ее земные привычки. Человека она воспринимала теперь как еще один ствол, еще один глаз, еще одну пару рук.

По саванне меж тем почти у самой кромки болот брели какие-то крупные туши. Бинокуляр показал, что степные скитальцы – местные носороги, имеющие то ли слоновьи уши, то ли костяные воротники. Эти, по крайней мере, были однозначно травоядными. Чего нельзя было сказать о стае больших бескрылых птиц, вихрем пронесшихся в ту сторону, куда девушка не решалась двинуться сама. Птицы на бегу выуживали прямо из песка в самых неожиданных местах то остатки антилопьеи мяса, в общей толчее втоптанные в плоть пустоши, то родственников зажаренного грызуна. Оперение у них, правда, было завораживающе хорошо.

Девушка увидела вдали бредущую фигуру.

Да, сомнений быть не могло.

Это был человек, несший что-то продолговатое на плечах. Шел он открыто, даже нахально, прямо на дым. Девушка загляделась на приближающегося мужчину. Царь природы, плюющий на то, что местная флора и фауна об этом не в курсе. Он не суется, не шарит глазами по пустому небу.

«А он высокий, пожалуй, и под два метра. Борода. Тактическое обмундирование «Выдра», как и у меня, – смешное совпадение. Ранец и легкий тактический бронежилет. Сущий адский спинжак по этой жаре, свой я, наверное, выкину. Вот только что это у него на плече? Ну не бревно же в самом деле? Неужто гранатомет! Вот это мужик!.. Хозяйственный.

Гранатомет придает, наверное, уверенности. Только как из него охотиться? Хотя – если по тем носорогам...»

Мысли ее были прерваны – в окуляр ворвалась стая давешних гигантских птиц. Они на бегу разворачивались полукругом, недвусмысленно собираясь атаковать путника. Секунду поколебавшись, девушка расстегнула кобуру пистолета, проверила, заряжено ли ружье, и устремилась в саванну.

Никаким птицам, пусть даже трижды хищным, она не собиралась отдавать этого человека. Сейчас он для нее символизировал что-то вечное, прочное, лежащее у корней сознания, как клад, заложенный кроманьонскими предками человечества в генное древо всех баб.

Как быстро она ни бежала, пернатые были быстрее. Они заходили серпом слева, еще не успев отрезать ее от мужчины. Девушка вскинула ружье к плечу, успокоила дыхание, затем задержала выдох.

Выстрел.

Еще один.

Расстояние было велико, от бега дрожали руки, но импортная оптика, ижевские оружейники и спортивное прошлое сделали свое дело. Птичка подломила тонкие ноги и поехала искривленным клювом по песку, вторая завертелась и заплясала, затем села в травяной островок.

Тут до нее долетел густой бас:

– Ложись! Ложись, пигалица!

Девушка распласталась на нагретом красноземе, перекатилась на бок и стала судорожно заряжать «ижку».

Раздалась оглушительная очередь.

Девушка поднялась на коленях и увидела, как падают в высокую траву три последних атакующих «страуса». Один все же мгновение позже вскочил – тогда мужчина, спокойно стоявший, расставив ноги так, словно бы собирался врасти в землю, отпустил скупую очередь из нескольких патронов своего странного громогласного оружия, которое он все также держал на плече, на манер гранатомета. Птицу словно ударил таран – полетели перья, подломила ногу, саму ее швырнуло на пару-тройку метров вперед и перекувыркнуло в пыли.

Девушка медленно пошла к мужчине, следя за копошением в траве. Раны на телах птиц были сущими воронками, но вместо отвращения они почему-то вызывали умиротворение.

– Ну, здравствуй. Хорошая у тебя трещотка. Ты бы и без меня справился, конечно. Я вот думала, глядя в бинокль, – чудака взял с собой гранатомет.

– Я иду из лесной полосы, там вот, – он неопределенно махнул рукой, откровенно разглядывая «спасительницу», – я видел таких чудищ, с которыми не то что моя пушка или гранатомет, танк не совладеет. Даже я со своим неоглобализмом таких зверюг и в таком количестве не ожидал.

Они помолчали, приглядываясь друг к другу.

Оба они, хотя и не подозревали об этом, относились к тому типу людей, которые терпеть не могут случайных и даже неизбежных знакомств с гомо сапиенсами противоположного пола.

Типичные затворники-самодуры.

Встретясь они в первые часы после отправки – разошлись бы, хмуро смерив друг друга взглядами. Однако в саванне нового мира требовалась какая-то другая этика, другие технологии поведения.

Ситуацию разрядила девушка. Она сделала полушутливый приглашающий жест и направилась к своему шалашу.

Мужчина молча зашагал следом.

«Забавно, насколько все же меняет оружие психику, – ни к селу, ни к городу думала девушка, идя к костру, – как там в америках говорят – «великий уравнитель»! Здорovenный

двухметровый мужик, потный, бородатый, в сапожищах и пятнистых штанах вызывает лишь ленивое любопытство, а не страх. Половина неврозов была бы снята на земле, если бы все ходили со стволами».

Мужчина положил свой странный аппарат на траву и принялся по-хозяйски выуживать из ранца всякие разности.

Во-первых, появилась маленькая коньячная бутылка (мужчина посмотрел на «хозяйку», вопросительно вскинув брови, она пожала плечами и несмело улыбнулась), затем какие-то банки, шоколадная плитка, галеты, почерневший невесть в каких походах металлический чайничек.

– Нечего экономить, жлобство это. Кругом жратвы – немерено. И идти легче будет.

– Тоже верно, – сказала девушка, беря чайник и идя к озеру.

Ситуация была ей не неприятна, а для прошлой жизни это было странновато. Вернувшись, она все же заявила, что спать будет на ветвях в гамаке. Мужчина почесал бороду, озбоченно на нее глянув, затем откинулся назад и захохотал, весело и паразитично.

Девушка фыркнула было, затем тоже улыбнулась и стыдливо, вороватым движением, застегнула пистолетную кобуру. Отсмеявшись, мужчина налил по первой. Закусили, лениво глядя, как, недовольно косясь на огонь, мимо бредет одинокая пародия на верблюда.

Выпили еще.

Девушка бросила в кипящую воду пучок сухих трав из рюкзака.

– Земная трава... зверобой всякий, багульник, ромашка...

– А я прошлой ночью весь запас кофе выжрал. Такая гнусь с неба на огонь прилетела, не уснешь.

Помолчали.

Ясно было, что никуда они сегодня не пойдут.

Девушке вдруг стало впервые после отправки спокойно на душе, и база теперь уж не казалась такой уж недостижимой, а саванна – такой непроходимой.

Мужчина подтянул к себе свою адскую машинку.

– Я взял его с собой из чистого... гм, озорства. Было у меня хобби – каталоги оружия. А как принялись все собираться, так я решил соригинальничать, и не жалею. Шел – как слон через посудную лавку. Динозавров покрошил, как маньяк. Утром меня даже зауважали – три местных плюгавых шакала привязались, не так давно отстали. Нашелся, видимо, посерьезнее поставщик мертвечины.

– А что это за ужас такой? Я и в кино не видела.

– Пулемет Рассела С. Робинсона, модель 14. Единственная в своем роде игрушка. Стреляешь стоя, словно из спортивного карабина. Только – очередями и с плеча.

– А отдача? Только на такого... гм, здоровяка рассчитано?

– Да нет, идеально сбалансирован, вот только тяжел, конечно, да еще ленты эти. Не стал экономить на спичках – попер напрямик, паля во все, что атакует. А атаковало там буквально все. Не поверишь – создан еще во время Второй мировой, в Австралии. Потом в Англии пытались на самолеты водружать, но что-то не заклеилось. Себестоимость большая, детали сложные. Вот и остался известен узкому кругу специалистов. Долго я выбирал, да потом прикинул, что на базе – десять пулеметов, аккуратно под эти вот патроны, а их там – вагон. Так что если я по дороге все под завязку расстреляю, а такими темпами – недолго ждать, то все равно на себе железку эту попру. Будущему государству людей в этих широтах такая боевая единица ох как не помешает.

– А что, думаешь, будет государство?

– Естественно. Тут иначе нельзя.

Человек был явным оптимистом.

Простой, сильный, веселый мужик.

Девушка еще раз посмотрела на громадное чудище с дырчатым кожаном и свисающей лентой, на открытое лицо безмятежно пьющего травяной отвар человека и звонко, весело расхохоталась.

– Альтруист, значит? Пойдем тогда вместе. С твоей пушкой ничего не страшно. Охотиться буду я. Все же – КМС по стрельбе, да и оружие более... деликатное. А кончатся ленты – будешь им, как дубиной, глушить, идет?

– Да я, в принципе, еще всякого разного с собой волоку. Коллекционер-любитель...

– Так значит – нет?

– Так значит – да.

Долгое время они молчали, думая каждый о своем.

Костер догорел.

Раз на верхушку соседнего дерева пыталась усестись здоровенная летучая мышь со змеиной головой, но девушка, расчетливо прицелившись, раздробила ей когтистую лапу. Издав леденящее душу шипение, летучая тварь понеслась к болоту.

– КМС, говоришь? – насмешливо прищурился бородач.

– Не хочу свое озеро поганить.

– Тоже верно. Пойду я дровишек еще наберу. Ночи тут хоть и короткие, но неприятные. Обложимся огнем, будем по очереди дежурить. А то я все шел и думал – суток десять не посплю, и никакой пулемет не поможет.

Девушка вытянулась на песке и, закрыв глаза, стала напевать что-то задумчивое. Мужчина ворочался у воды, волоча сухие коряги, затем, тихо ступая, вернулся к огню с дровами.

Огненный шар катился к закату.

– Ну, я даю.

Девушка проснулась, потянулась и хмыкнула, разглядывая наваленный вокруг хворост.

– Ничего удивительного, свежий воздух, волнительные пейзажи, стрельба по движущимся мишеням, чувство опасности и остроты жизни. Однако твоя вахта первая. Еще часок-другой, и я отключусь.

– Заметано.

Девушка походила внутри укрепления, поглядывая на кружащиеся в небесах силуэты, и решила не спать в гамаке.

Мудрая птичка могла снять ее с развилки, не долетая до языков пламени. Вот и пригодился бронезилет. Из него вышло небольшое креслице, в комплекте с причудливой корягой, странной, как фантазии доктора Фрейда.

От нечего делать она вертела в руках «Бобра» из комплекта выживания. В комплект входили три предмета. Метательный нож в форме лаврового листа с рукоятью, обмотанной шелковой стропой, сам «Бобр» – внушительный тесак с волнистым лезвием, которым одинаково можно было рубить дровишки и драконьи головы, и «нож Робинзона». В понимании российских конверсионных мыслителей, без этого странного стального треугольника с ажурными дырками разной конфигурации на необитаемом острове делать нечего. Чудо техники величиной с ладошку младенцев могло делать следующие необходимые штуки: пилить по металлу, вскрывать бутылочные пробки, служить консервным ножом, быть плоской отверткой, гаечным ключом, гнуть и ломать проволоку, при случае мог подхалтурить напильником и что-нибудь измерить пятисантиметровой линейкой. А еще, наверное, у приплывающих охотников за головами на эту блестящую штуковину можно было выменять связку бананов или слоновий клык.

– Ага, тоже нравится? Я хохотал до упаду, и взял весь комплект. А что, швырялка по имени «Оса» очень хороша, мачете – не хуже короткого меча или твоего вон топорика. А эту штуку мы будем показывать лет через тридцать детям и внукам, пытаюсь объяснить им, вернувшимся с охоты на мамонта с копьями в руках, что это за волшебная штука. Это – когда вся техника опорной базы изнашивается, а патроны кончатся.

- Думаешь дожить до полтинника и внуков, весельчак?
- Это на свежем-то воздухе? Да запросто. Ну все, я – спать.

Глава 4

Услышав треск ветвей и уловив, что между деревьями мелькают косматые тени, человек нашел в себе силы подняться, чтобы подбросить в догорающий костер дров. Это были последние поленья, и он с надеждой посмотрел сквозь густую листву на восток, где небеса понемногу розовели.

Он встал поудобнее и поднял двустволку к плечу, потом коротко и несколько истерично рассмеялся, опуская ее к ноге.

На поляну вылетел зверек, встал столбиком и огляделся. Видом своим и размерами он напоминал зайца. Вот только не настоящего, а плюшевого, и весьма упитанного к тому же. Кроме того, он явно был зайцем сумчатым – из складки на брюхе высывалась неожиданно крупная уморительная мордаха.

Самым же главным в этом сумчатом зайце были уши. Они у него были чебурашечьи, мохнатые, очень мягкие и теплые на вид.

Вслед за первым выскочила еще парочка зверьков и, не останавливаясь, припустила дальше, смешно подбрасывая зады и суча в воздухе розовыми пятками, несколько косолапо, но в то же время грациозно и весьма шустро.

Человек еще раз невольно рассмеялся, когда мимо его стоянки проскакали еще пятеро «зайцев».

«Ну как тут стрелять. Это – не добыча, умора, да и только. Кстати, а кто это их так шуганул?» – подумал человек и сразу же получил ответ на свой вопрос. Показались и преследователи.

Их было двое.

Это были желтые волки, с толстыми бесшерстными хвостами, несколькими темными полосами на спинах, сильно вытянутыми мордами. Они сильно напоминали кенгуру, отчего-то решивших пробежаться на четвереньках. Однако лысые хвосты в сочетании с длинными задними лапами придавали им отталкивающее сходство с крысами-переростками.

Вымершего на Земле сумчатого волка человек видел только на фотографиях, поэтому и не смог должным образом оценить, похожи ли они на свой австралийский аналог. Размерами они были чуть пониже и подлиннее восточноевропейской овчарки, но обводы тела и несколько странная пробежка совершенно не наводили на ассоциации с собаками. Тот, что покрупнее, вернее всего – самец, резко остановился, сделав такое движение, будто решил опереться передними лапами на невидимое стекло, но передумал и соскользнул с незримой преграды на землю. В краткий миг, пока он стоял на задних кенгурячьих ногах, он даже оперся на хвост. Раздалось неожиданно низкое и какое-то совсем уж не собачье рычание. Обнаруженный человек мысленно простился уже с патроном, когда с края поляны подали голос подруга желтого волка. Она несколько раз тявкнула и скакнула боком к стоявшему в нерешительности приятелю. Тот еще раз рыкнул для порядка, чихнул, втянув струйку дыма из костра, и ринулся дальше догонять «Чебурашек».

Человек подождал, убедившись, что волков было всего двое, затем принялся завтракать, размышляя, какую именно «Большую Воду» он углядел вчера вечером с огромного мертвенно-белого дерева, от рождения лишенного листьев, откуда его согнали назойливые стервятники. Если это был морской залив, то велика вероятность того, что мытарства его вскоре закончатся, причем раньше, чем патроны. Он с ненавистью посмотрел на свое горячо любимое на Земле охотничье оружие. Патроны к нему были архитяжелые, много взять с собой он не смог. А первые же дни в дивном новом мире быстро и жестоко убедили его в том, что стоило более внимательно отнестись к проблеме вооружения и экипировки. Он-то, простая душа, собрался, словно на охоту – рюкзак «Ермак» с алюминиевой рамой, номерной охотничий нож,

которым в прошлой жизни очень удобно было перепиливать кости и снимать шкуры, куча разных мелочей и «вертикалка» шестнадцатого калибра, верный спутник кратких отпусков.

– Мог бы еще, пожалуй, ружье для пейнтбола прихватить, дятел, – громко сокрушался мужчина, в сотый раз вспоминая, как лениво листал импортные и отечественные каталоги оружия, уверяя себя, что лучше его берданки нет ничего на свете.

В начале перехода с ним был и пес – верный Джим, предприимчивый и жизнерадостный, не уберегшийся в первый же день на равнине от невзрачной плюгавой жабы, оказавшейся грозным хищником. Даже похоронить Джима человек толком не смог – ему пришлось ретироваться с места гибели пса, отстреливаясь от несущихся, словно курьерские поезда, плотоядных страусов с бронебойными клювами и великолепным тактическим мышлением.

Птички почти отрезали его от леса, «Ермак» оказался в двух или трех местах пропоротым клювами, пока густой кустарник не остановил их губительного бега.

С трудом уцелевший человек долго бессильно ругался и клял пернатых, бегающих и летающих, наблюдая, как птицы безошибочно нашли едва заброшенную дерном яму, на дне которой покоился несчастный пес.

Страусы долго еще метались по степи, вырывая друг у друга кровавые ошметки, оставшиеся от верного спутника. До сих пор, хотя прошло уже больше восьми суток, мужчина тяжело вздыхал и чувствовал себя так, словно предал друга или продал родину агентам империализма.

Наконец человек закончил свой немудреный завтрак, состоявший из саморазогревающихся консервов и местных кислых ягод, как появился его собственный преследователь.

Из-за куста на поляну выглянула хитрющая морда. Затем на поляну, осторожно шевеля ушами, вышла тварь, которая сильно смахивала на росомаху. Она также точно косолапила, имела низкий, неинтеллектуальный лоб, хитрющие монгольские глазки и невероятно злобную морду.

Наконец человеку удалось увидеть своего преследователя близко и убедиться, что он значительно больше росомахи и чуть меньше гризли. Пожалуй, преследователь потянул бы на гималайского мишку.

Зверь подогнул лапы и упал на брюхо в десяти шагах от костра, мгновенно растекшись по земле, словно под шкурой его была разлита вода, причем проделал это совершенно нагло, разве что лапы под мордой не сложил. После чего преследователь щелкнул клыками, отгоняя назойливое насекомое, и уставился на свою жертву. И столько в этом взоре было наглости, ленивого косолопого превосходства и невысказанной уверенности в том, что добыча никуда от него не денется, что человек схватил ружье и выпалил.

Он, стреляя, знал, что не успеет.

И верно – в том месте, где картечь взрыла сырую землю, преследователя уже не было. Он стоял у кустов вполоборота, с прищуром глядя на разъяренного человека. Человек что-то бессвязно крикнул, но второй раз уже стрелять не стал. Зверь нахально почесал брюхо задней лапой и гордо удалился. Миг, и кусты замкнулись, поглотив его, словно призрак.

Человек едва удержался, чтобы не завывать от отчаяния.

Опасаясь, что начнет палить в кусты на малейшее дуновение ветерка, он отложил ружье в сторону, потом сел на скатанную плащ-палатку и обхватил голову руками.

Судя по всему, наглая тварь решила напомнить о себе, и все.

Не в первый, кстати, раз.

Правда, раньше она никогда не подходила так близко к костру. Еще три дня назад человек был уверен, что покончил с ней. Он даже позволил себе, услышав далекий взрыв, разнесшийся над лесом и вспугнувший сонмища птиц, распить единственную бутылку любимого вина, которую волок на горбу на случай встречи с людьми. Однако заряд лимонки, вложенной в соблазнительно приоткрытую банку китайской тушенки, разнес в клочья кого-то другого. Или же, что вернее, демонический медведь нашел способ подорвать заряд, чтобы, спокойно

расправившись с «Великой Китайской Стеной», потрусить следом за своей наивной добычей. От него вполне можно было ожидать подобных фокусов.

Зверь первые дни, пока патронов было вволю, держался на почтительном расстоянии и вел себя все же в рамках приличий. Однако после стычки с некоей мерзостью, которая выныривала из пластов развороченной земли, словно дельфин, норовя отхватить мужчине голову, патронов стало значительно меньше.

Самым обидным было то, что по поведению выходца из глубин было неясно, возымели ли картечь и жаканы на него хоть малейшее действие. Человеку хотелось думать, что да, но в глубине души он понимал, что тут дело не обошлось без вмешательства росوماхи. Именно при ее появлении «дельфин» в панике удалился, оставив после себя воронку, в которой мог бы застрять грузовик. После этого случая преследователь, словно бы понимая бедственное положение человека, вертелся поблизости, и мужчина был уверен, что временами различает на звериной морде следы злорадства в те мгновения, когда на зверя наставлялось ружье.

Конечно, он пробовал стрелять.

Однако зверь был явно заговоренный.

Картечь секла листья вокруг него, пули разносили в щепы небольшие деревца, а косолапая тварь лишь исчезала в зарослях, чтобы несколькими часами позже вновь появиться в том месте, где только что прошел человек.

При всем при этом росوماха не нападала.

Она могла рычать издали или ронять слюну на свежий человеческий след, вертеться вокруг ночного костра, но никогда не бросалась в атаку, даже когда ружье оказывалось на плече, а костер был погашен. Она гнала его к какой-то цели, благо еще, что маршрут бегства совпадал с направлением, которое указывал «маячок».

Через несколько дней, когда человек смирился со своим неожиданным спутником, он обнаружил некоторую странность во всем происходящем. Он видел вокруг себя дикую природу, полную самых агрессивных видов флоры и фауны, которые были бы не прочь полакомиться его костями и внутренностями.

Однако прямых нападений на свою особу он не наблюдал.

Конечно, когда он неосмотрительно наступил на нечто, показавшееся ему гранитным валуном, то струя яда, брызнувшая из-под того, что казалось мхом, едва не лишила его зрения, наградив уродливыми ожогами на ладонях. Полупрозрачные гиганты, внутри которых переливались отвратительные кишки кислотных тонов, едва не растоптали его, ненароком помешавшего их брачным играм.

Но все эти опасности он сам накликал на свою голову.

Никто целенаправленно на него не охотился.

Это было непреложным фактом, опровергающим ту информацию, которую он получил вместе с маячком накануне отправки.

Никто, кроме Следопыта.

Размышляя на ходу и у костра, человек пришел к парадоксальному выводу – зверье этого мира, или этой части мира, боится становиться на пути охотника. Ничего устрашающего в его Следопыте не было. Он даже был иногда больше комичен, чем грозен. Ну – не по-звериному сообразителен, так что же с того. На равнине мужчина видел издали таких тварей, при одном взгляде на которых хотелось бросить все и тихо застрелиться.

В поднебесье ветра носили на крыльях совершенно немыслимые силуэты, которые совершенно не походили на орлов-переростков.

А вот поди ж ты...

Если его гипотеза была верна, то зверь заслуживал некоего уважения.

«Вот оно, додумался. Так, наверное, и сходят с ума заплутавшие в тайге беглые зэки. Впрочем, о чем-то подобном я читал. Психология жертвы, которая от безысходности и ужаса начинает пламенно любить своего палача».

Действительно, без росомахи ему становилось одиноко. И человеку с некоторого времени стало наплевать, придумал он себе сказку о том, что никто не хочет становиться на тропе косолапого загонщика, или нет. Он брел по диким краям, не столько ужасаясь опасным зверям, попадавшимися на его пути, сколько поражаясь бесконечности форм, которыми манипулировала здешняя природа в процессе эволюции. И за ним брела в тени деревьев приземистая фигура, упорно и целеустремленно, словно бы ожидая того мгновения, когда жертва сама, отбросив ружье, бросится на ее клыки и когти.

Человек не знал, что попал в число тех несчастных, кого игра слепого случая забросила на почти максимальное расстояние от опорной базы, куда звал маячок. Не знал, что десятки ему подобных, гораздо лучше вооруженных, находящихся ближе к заветной цели, были растерзаны, задушены и заклеваны.

В конце второй недели пути он подошел к реке, которую уже окрестили те, кто первыми вышел на ее топкие берега.

Река называлась Небесной Змеей, и до ее дельты, впадавшей грязевыми ручьями в соленые воды морского залива, было далеко. А преследователь был все время рядом, иногда не показываясь сутками, иногда раз за разом подходя к костру все ближе и ближе. Мужчина несколько раз встречался глазами со злобными угольками, сверкавшими из-под низкого, заросшего коричневой шерстью лба, и отводил смущенный взор.

В этом звере что-то было не так.

Росомаха не делала попыток залечь впереди него над тропой на низко растущей ветви или кинуться из густых зарослей, хотя косматая шкура Следопыта не раз мелькала впереди его движения, словно бы тварь точно знала, куда он идет. И человек гнал непрощенные мысли о том, что не он выбирает оптимальный путь через джунгли, а росомаха отыскивает тропы, на которых нет других, кроме нее, опасных для человека хищников.

Однако мысль эта настойчиво его преследовала.

От нечего делать мужчина принялся вспоминать, как впервые встретил пугающую тварь. История с преследованием началась, когда человек был привлечен тихой на вид рощей, источавшей дивный медовый аромат. Аромат был в полном смысле слова неземной. Углядев тучи здоровенных пчел, вполне, впрочем, привычного вида, человек сглотнул слюну и двинулся в ту сторону. Услышав треск и чавканье, он приготовил ружье.

«Медведи тут, наверное, есть. Ничего страшного, русского человека косолапым не испугаешь. Эка невидаль, медведь. Разве что, может, побольше наших будет». Так подумал мужчина, входя под сень кустистых деревьев, поминутно отмахиваясь от растревоженных пчел.

Вначале он увидел поваленное дерево, на корнях которого висела трава и комья черной земли. В тучах сердито жужжащих пчел стоял на задних лапах и заразительно чавкал зверь. Вся морда у него была в пахучем меде, мед тек по мохнатому брюху, обрубок хвоста от очевидного удовольствия без остановки вилял. Зверь чавкал, урчал и, кажется, тихонечко повизгивал.

Мужчина неосторожно наступил на сухой трескучий мох, и зверь вздрогнул всем телом.

Тут бабахнул выстрел.

С такого расстояния он никак не мог промахнуться, но когда развеялся дым, зверь все так же стоял на задних лапах.

Правда, теперь вилять хвостом он перестал.

Шарахнул второй ствол.

На этот раз мужчина явственно увидел, как конвульсивно дернулся бок животного. Тут медоед рассвирепел всерьез. Он встал на четыре точки, низко и не очень громко зарычал и

заковылял к охотнику, мотая головой, словно похмельный, и, отчаянно косолапя, совершил прыжок.

Человек бежал тогда без оглядки.

Почему-то он испугался мохнатого потешного медведика больше, чем всех летающих и бегающих гадов нового мира. Медведь устремился следом, неторопливо облизывая остатки меда с брылей. Совершенно непостижимым для человека обстоятельством было оставление заманчивого медового дерева. Похоже, что медведик просто не привык к столь наглому отношению к себе и бросил все свои дела, чтобы догнать и покарать обидчика.

С тех пор неторопливая, наводящая суеверный ужас погоня не прекращалась ни на миг.

Если бы мужчина вдруг смог бы взлететь на крыльях в знойное небо, где кружили стервятники и редкие облака, то он увидел бы довольно странную картину.

Во-первых, до встречи с людьми ему оставалось совсем чуть-чуть.

В одном километре высилось раскидистое дерево, под которым сидел у огня и жарил на костре тушку «чебурашки» еще один скиталец. Трое других спали неподалеку, завернувшись в спальные мешки.

Однако встреча с ними у него не состоялась никогда.

Слева от него мстительный медведик пятился в реку, ошетилив шерсть на загривке и жалобно скуля. Он являл собой смесь крайней животной ярости и страха, который был выше инстинктов. К нему двигалась шеренга существ, вид которых мог бы привести в трепет кого угодно. Это была нелепая и устрашающая пародия на людей, у которых тела вдруг покрылись шерстью, а вместо голов появились волчьи или собачьи морды. Но не этих существ испугалась росомаха. Существа шли на него под защитой четырех живых холмов. Словно бы танки, покрытые тиной и грязью, колоссы ползли на росомаху. Из-под камуфляжа этих живых холмов вылетали синие и зеленые разряды, превращавшие мокрый песок речного берега в стеклянные лужи.

Росомаха, наконец, не выдержала натиска.

Она фыркнула, обнажила клыки и бросилась в воду.

Некоторое время псоглавцы следовали за ней вдоль берега, пока медведик не повернул к песчаной отмели в противоположной стороне Небесной Змеи. Тогда прогнавшие его существа повернулись в сторону ничего не подозревающего мужчины.

Человек же размышлял, не построить ли ему плот, когда вдруг обнаружил, что его маячок заглох. Он некоторое время вертел в руках предмет, который был его единственным проводником в этом мире. Разумеется, он не мог взлететь на крыльях в небеса, а потому не видел идущих к нему сквозь заросли существ. Не видел он и еще одного участника событий.

Когда мокрая росомаха выбралась на противоположный берег Небесной и принялась кататься по траве и отфыркиваться, из зарослей вышел человек.

Он был высок, одет так, что вряд ли его можно было бы причислить к колонистам – куртка и штаны из кожи, высокие сапоги, огромный плащ, из-под которого выглядывали обтрепанные ножны.

Росомаха подбежала к нему и потерлась о ноги, жалобно скуля. Человек некоторое время слушал ее, словно бы хорошо понимал, о чем ему рассказывает зверь. Потом он указал рукой в заросли.

Росомаха, поминутно оглядываясь, двинулась к кустам. Потом она наткнулась глазами на пролетавшую пчелу и косолапо скакнула следом, разом забыв про фигуру на берегу. Вскоре она нашла гнездо диких пчел и принялась за давно прерванную трапезу.

Человек же вдруг шагнул к воде, раскинув руки, плащ за его плечами распахнулся, и он медленно поплыл над водой. Один из тех землян, что сидели под деревом несколько в стороне от событий, как раз вышел к реке, чтобы наполнить котелок. Он долго вглядывался в даль, тер глаза и матерился. Из воды в полуметре от него высунулась клыкастая безглазая башка какого-

то зверя, и человек со всех ног кинулся к костру. Добежав до своих спутников, он напрочь забыл о померещившейся ему над волнами крылатой фигуре.

Меж тем мужчина, повернувшись к затрепавшим кустам, вскинул ружье. Он ожидал своего привычного преследователя и потому тихо вскрикнул. Убежать он не сумел. Один патрон ушел в «молоко», один раздробил бедро псоглавому погонщику. Потом синяя молния выбила из его рук ружье.

Когда на поляне появилась крылатая фигура, человек представлял собой нечто, похожее на мошку в янтаре. Он был залит какой-то клейкой, быстро затвердевающей субстанцией. Мало того, в таком виде он медленно исчезал в недрах косматого облака, которое в нарушение привычных законов мироздания стелилось по траве.

Человек откинул свой диковинный плащ и прикоснулся руками к ножнам. В тот же миг туча, поглотив кокон, взмыла в небо.

Черная молния, появившись из ножен, расплосовала один из живых холмов. Второй холм вдруг стал погружаться в землю. Два других швыряли в крылатую фигуру разряды, которые стекали в землю, бессильные даже спалить траву. Вскоре и с ними было покончено. Собакоголовые, завывая, бежали в заросли. Обладатель черной молнии не преследовал их. Он с тоской и ненавистью глядел в небо, в котором уже трудно было различить облако, похитившее человека.

Некоторое время на поляне еще можно было различить странный силуэт, замерший словно бы в задумчивости. Потом он стал таять, будто клочок ночи, которого коснулся первый утренний луч.

Глава 5

Ночь прошла довольно спокойно, по контрасту с днем, конечно.

Видимо, существовал какой-то допустимый предел количества смертоубийств в этом агрессивном мире, который был пройден во время массового избиения мигрирующих антилоп.

Да и пылающее кольцо вокруг стоянки мужчины и женщины выполнило роль магического оберега.

Вот только ближе к полуночи, когда обе здешние луны – одна похожая на земную, вторая – побольше, неправильной формы и бирюзовая – выкатились в середину звездной россыпи, ожило тихое озеро.

Что-то там забурлило, заволновалось, стало извиваться, расплетаясь и шлепая по воде. Что-то такое, на что девушка не решилась посмотреть в свой инфракрасный бинокль. Когда поднялась меж деревьев грандиозная тень, полупрозрачная, сквозь которую можно было разглядеть лишь слегка выпуклые созвездия, она упала лицом вниз и закрыла уши.

Какой-то древний инстинкт, рудиментарная память, стайка крыс в подвалах сознания уверили ее, что прямой, физической опасности ей и мужчине нет. Но вот душевное нездоровье вполне может постигнуть дитя дарвинистского мира при одном взгляде на вылезающее из воды.

Раздался звук, словно вылетела пробка из-под шампанского, только бутылка от которого была величиной с баллистическую ракету, хлынула шумно вода, возвращаясь во взбаламученный омут, а на небе стало одной косматой тучей больше.

От финального всплеска проснулся мужчина, грузно, словно горилла в пампасах, завозился, ругнулся, извинился и сел, мутным взглядом обводя пространство вокруг.

– Все путем. Вот эти, – она указала на кольцо ярко горящих глаз, окружавших стоянку, – у нас что-то вроде ночной стражи. В огонь не суются, особенно не шумят. Прочапало что-то здоровенное, но далеко. Пару раз снижалась крылатая нечисть, да, убоявшись огня, слиняла, так что я даже не стреляла.

– Угу. У тебя, кажется, кофе оставался. Ага, и кипяток. Ну что же. Если полезет кто, я так шумну из своей дуры, что и будить не надо будет.

Она полезла было в спальник, однако стояла невыносимая жара, а кроме жирных противных бабочек, ничего кровососущего в воздухе не было, так что разлеглась на куче из многочисленных компонентов «Выдры», пристроив легкие «броники» под голову.

Мужчина примостился под деревом, пренебрежительно откинув ее бинокль и напялив на нос очки ночного видения.

«Вот зачем нужен был бы глушитель, а я, дурак, забраковал, не взял. Очень удобно на стоянке отстреливаться, но кто же знал. Потом – к пулемету глушак не приделаешь. А пистолета маловато будет».

Последняя мысль пришла ему в голову, когда одна из пар жадных глаз поднялась вдруг на несколько метров от земли где-то за границей четкой видимости и гулко, утробно сглотнула. Потом неведомый зверь опустился и притих. Человек разглядывал вторую луну, сняв очки, дивился какой-то «подводной» пейзажности вокруг, припомнив чье-то выражение: «Цепящий лунный свет обтекал предметы, струился по ним, собираясь в дрожащие лужицы». Так оно примерно и было, только в глубоких ультрамариновых тонах.

Потом ему стало некогда любоваться незнакомыми созвездиями и спутниками – в воздухе захлопали крылья, замелькали расплывчатые тени.

Атаки, впрочем, не последовало. Мужчина выпил чайник кофе, мурлыкая себе под нос что-то бравурное, гадая, от чьих горящих глаз хотела защититься спящая девушка, положив под голову красивый и мощный пистолет «зигзауэр» на боевом взводе.

Его или хищников?

Над стоянкой проплыл силуэт ската ошеломительных размеров, совершенно безмолвно. Вскинув голову, человек успел разглядеть белесое брюхо и тонкий длинный хвост, зацепивший листву соседнего дерева. На дереве тоже горели глаза, целый рой, и неясно было, сидела там стая зверей или один терпеливый паукообразный.

Под утро, когда неопишущей красоты заря принялась прогонять с неба звезды, вызвав на мгновение что-то подобное северному сиянию, одна из косматых туч вдруг надвинулась, набухла, опустилась, и мужчина, сорвав очки, прикрыл глаза, бормоча какую-то ахинею. Неправильной, рваной формы полупрозрачная клякса обрушилась в озеро, вызвав водоизвержение, на этот раз разбудившее девушку. Как ни странно, об этом событии они друг другу не рассказали ничего.

Определить, что за охотники выслеживали их за стеной огня, возможности не представилось – к утру поблизости от стоянки шныряли бодрые и жизнерадостные грызуны, спешившие по своим делам, пока не явились их дневные мучители да полуенот-полубарсук подбежал к самым угольям, хрюкнул, почесался, упав на мохнатую задницу, и, пыхтя, удалился.

Девушка и мужчина, наскоро перекусив, двинулись в путь, стараясь находиться на приличном расстоянии от колыхавшихся травяных островов и поваленных деревьев. С болот потянулись перепончатокрылые гиганты, первый облет совершали стервятники, мелькала парящая мелюзга.

Неподалеку от россыпи крупных слюдяных образований девушка засмотрелась на рваный, какой-то механический полет кожистокрылых змееголовов, погнавшихся за неразличимой пернатой мелочью, и едва не наступила на череп. На крик подбежал мужчина, все время косясь влево, где в сотне метров трусил параллельным курсом «тигр», делая вид, что его здесь нет.

Череп был самый обычный, банальный даже, словно из кабинета анатомии или лаборатории патологоанатома. Остальные кости человека были тут же, изуродованные, разгрызенные, высосанные, в гроздьях червей. Ключья куртки-«афганки» в бурых пятнах валялись поодаль, на них грелась тусклая змейка. Ранец был изуродован и выпотрошен. Даже банки с тушенкой были надкусаны, выдавлены, сплющены. Мужчина тем не менее, не слушая протестующих воплей девушки, прицепил к ее рюкзаку кожаный пояс с простым номерным охотничьим ножом и курносый револьвер, положив в свои и без того забитые наплечные карманы коробки с патронами. Потом, побродив в колючей траве, нашел и принес автомат, без приклада, с прямым магазином, неуловимо похожий на «калаш».

Мужчина поискал глазами «тигра» и присвистнул.

Вокруг кошачьего собралась целая свора куцехвостых шакалов и тройка жизнерадостно смеющихся «чертей». Кошачий как раз вполне в духе своего земного домашнего собрата, по-йоговски заложив лапу за ухо, лизал свои впечатляющие гениталии. Мужчина выпустил в преследователей целый магазин, вставил новый, перевел на одиночную стрельбу и добил дергающуюся «гиену». Прихрамывая и оглашая окрестности обиженным ревом, «тигр» припустил подальше, сопровождаемый четырьмя оставшимися в живых шакалами.

– Берем.

– Зачем?

– Береги честь смолоду, а патроны – к ночи. Свои жалко, идти нам долго, а эти – расстреляем на ближайшем привале по излишне любопытным и кинем железку.

Стараясь не приближаться к болоту, от которого тянуло густым зловонием и где в дымной толще над трясинами то и дело слышались титанические всплески и стоны, они прошагали еще час.

Мужчина сверялся с маячком.

Хитрая штукавина зазывала их аккурат в царство зыби. Девушка крикнула, указывая вверх:

– Смотри!

Низко, с натугой ворочая лысыми коричневыми крыльями, летел змееголов – экземпляр не из крупных, волоча в лапах продолговатый туристический рюкзак. Алюминиевый каркас блестел в лучах, груз тянул летуна вниз. Мужчина поднял было пулемет, но покачал головой, и закричал:

– Это для «кэмээсов».

Девушка вскинула ружье и выстрелила.

Затем – еще раз.

Тварь выпустила ношу, кувыркнулась в воздухе, извернулась совершенно по-змеиному, стараясь лечь на воздух и восстановить равновесие, но мужчина, положив тяжелое оружие, полоснул его из чеченской самоделки. Рюкзак рухнул в густую траву метрах в пятидесяти, спугнув сидящего в засаде «тигра». Лишь мелькнула, удаляясь, гибкая спина. Удирал он, словно нашкодившая кошка – задрав хвост трубой.

Девушка и мужчина подошли к рюкзаку.

Когти прорвали в нескольких местах синтетическую ткань, удар об землю полностью искорежил раму. Рядом заинтересованно запрыгали по земле приземлившиеся стервятники. Мужчина выпустил в них остаток магазина с каким-то новым для него чувством остервенения.

– Мы становимся похожими на них, – задумчиво протянула девушка, глядя, как дрыгают когтистыми лапами упавшие поодаль птицы.

Мужчина ничего не сказал, разглядывая рваные лямки и влажно-алые пятна.

– «Змееголов» схватил его и понес. Он вывалился из рюкзака, но уже был мертв или смертельно ранен. У этой сволочи морда приходится прямо туда, где была бы у человека голова. И вот эти пятна...

Он не сказал вслух, что там была не только кровь, но еще прилипший клочок волос и желтоватая кашица.

А волосы были женские.

Глава 6

Из дневника Сергея Куприянова

Океан!

Сегодня наша группа вышла на пустынный песчаный берег.

Боже мой – все скакали и орали, словно дети. Из чаши могло набежать какое-нибудь зверье, здесь же была эдакая иллюзия безопасности. Расположившись на привал, по-братски поделились последними запасами земной еды – маячки дружно мигали, показывая, что до опорной базы осталось всего ничего.

Кажется, выжили.

Осмотрели раненых, я встал на часах.

Неведомые демоны, закинувшие нас в этот дикий мир, помогите нам не потерять больше никого в двух шагах от победы!

В воде, в опасной близости от нашей стоянки, что-то крупное плескалось и ревело некоторое время, вызывая в мозгу самые неприятные ассоциации.

Но пронесло.

Пришла заспанная Татьяна. В изорванном джинсовом костюме, в волосах неземные репейники, в руках – автомат. На фоне довольно-таки прохладного морского ветерка, песочка и подступающего кое-где к самой линии прибоя леса, где ни одного знакомого извива ветвей или запаха, – чистая валькирия. Или, там, русалка. В ореоле каких-то громадных бабочек, слетевшихся к костру. Чем-то все это напомнило мои военные приключения. Беготня по ботаническому саду с гранатометом, рев знаменитых на весь мир сухумских гамадрилов, морской бриз, и бестолковая, но весьма кровавая война черт-те кого черт-те с кем.

И баба с автоматом.

Сменять она меня не стала, а уселась рядом, отложив «АКМ», безотказный даже в этих тропических и далеких от Земли широтах, «калаш» звякнул о россыпь ракушек. Она откинула со лба волосы, поежилась и, приобняв меня, прошептала:

– Почти дошли. Завтра – уже люди... Где-то там должен быть мой благоверный. Если выполз. Нехорошо, наверное, но мне что-то не верится. Как представлю его – в очочках, с брюшком, дурачком двустолкой в том болоте, помнишь? Где гнездовье тех летающих зубастиков. Где Слава остался...

– Выкарабкается, – сказал я, чтобы что-нибудь сказать, вдруг спохватившись, что за эти десять дней как-то привык думать о ней ну совершенно не как о девице, у которой где-то может оказаться «благоверный», к тому же в очках и толстый.

Вообще, как я ни материл всю дорогу папоротники, хвощи, плауны, чешуйчатых монстров и розовых зайцев, по вкусу весьма напоминающих некогда пожранных с голодухи сухумских обезьян, однако впервые за многие годы я вновь чувствовал, что живу. В руках безотказная трещотка, за спиной – полтора десятка людей всех полов и возрастов, которым без меня никак. Дичайшая и смертельно опасная местность, чудища, норовящие тебя пожрать, в которых можно разряжать рожок за рожком, совершенно не думая о конвенциях и экологиях. пляж, постоянное ожидание нападения, ладная деваха безо всяких лишних задвигов, показавшая себя, кстати сказать, в том же болотном гнезде «зубастиков» лучше иных мужиков, даром что детский врач. Все это окончательно вскружило голову. В темной морской дали вновь плескалось и булькало что-то из бредового сна, над костром кожистокрылые стремительные силуэты пикировали на разлапистых бабочек, рядом радостно пищал спасительный маячок, а мы...

В общем, не важно...

Утро явилось в виде страшного ветра, от которого мы явно отвыкли, блуждая под сенью лесов. Холодные порывы едва не сбивали с ног, причудливые деревья на опушке стояли и гнулись, а волны дохлестывали едва ли не до самого лагеря, так что пришлось в темпе сворачиваться.

Никто и не был против.

У самых израненных, перепуганных и просто «сломавшихся», шедших лишь по инерции, тупая покорность судьбе сменилась настоящим азартом. Даже чертов Малахольный сказал что-то неопределенно бодрое и лихо вщелкнул последний магазин в свой автомат, который я его едва ли не пинками заставлял снова и снова чистить на привалах, не зная иного способа от депрессии и пораженческих разговоров. Тут же подскочившая Таня быстрым движением отщелкнула магазин, да так ловко, что я аж крикнул от самодовольства. Вот тебе и первые плоды «дружбы». Малахольный было возмутился, дескать, нет такого закона, чтобы личное оружие отнимать. Ишь как запел. А ведь когда мы его обнаружили на раздвоенной волосатой пальме, куда его загнал какой-то зверь, заставляющий вспомнить о земных геральдических чудищах, автомат этот мы потом долго искали, перелопатив голыми руками не одну тонну голубоватой жижи, отдирая с зудящих пальцев какую-то мелкую болотную нечисть. А когда нашли, убедились, что сей мирный сын своего времени и взял-то с собой всего пару рожков, да один высадил в первый же день по какому-то «синему оленю», на которого он, видите ли, охотился. На вопрос, где же сей странный зверь, снятый с пальмы Малахольный ответил коротко – «съел» и надолго замкнулся в себе. В стычке с волками и в гнезде «зубастиков» толку с него было не больше, чем с моего рюкзака. Татьяна до сих пор твердо убеждена, что человек погиб по его вине. А теперь – на тебе – оружия возжаждал. Танька, молодец, цыкнула на него:

– Не будет тебе больше никаких законов. Радуйся, плесень, что чуть ли не на себе волокли, от динозавров этих твоей тушей не откупились.

Она права, на опорной базе патронов мало, в основном к пулеметам.

– А по какому праву, собственно... Это же вроде как валюта будет – там, среди людей.

– Урод... – сквозь зубы процедил Гриня, в той, навек потерянной жизни бывший простым советским ментом-участковым. – А я сколько извел этой вот «валюты» в болоте, тебя, гниль культурную, спасая? Усохни, правовед. Бери патрончики, командир, мы еще далеко не закончили свой поход.

– А по-моему, надо отдать ему рожок и трещотку, и пусть один оставшиеся десять километров идет.

Это воинственная Лера. Весьма визгливая дама, глянувшаяся Грине и отдавшая ему все свое нехитрое стреляющее снаряжение, собиралась волочь под ручку раненого и набиралась адреналина на последний рывок.

– Я там буду жаловаться, – как-то неуверенно сказал Малахольный, но покорно пошел в конец процессии и без дальнейших дискуссий впрягся в носилки. На носилках заворочался Леня, пуская кровавые пузыри, к нему тут же кто-то метнулся с водой и участием. Любо-дорого было смотреть на эту идиллию в двух шагах от спасения. Уверен, не пройдет и двух дней, и половина моего маленького, с бору по сосенке, отряда будет прятать друг от друга блудливые глазенки, вспоминая, какими угрозами и пинками я и мент заставили их не бросать покалеченного гигантской пестрой змеей Леню. Одного таки, помню, пришлось выгнать. Интересно – дошел ли?

– Кому он, мешок с дерьмом, жаловаться будет. Там – такие же люди, только вряд ли это хоть немного напоминает государство с его инстанциями, в которые можно на что-то жаловаться.

Это опять Лера... Я отдал команду выступать, краем глаза следя, не скрою, с законной гордостью, как четко, без единого слова рассыпались в стороны шестеро крепких парней, чутко

шаря по зарослям глазами и стволами. В центре волокли раненых, а трое не стоявших ни разу в ночных караулах орла перли рюкзаки и мешки. Я, как командир и первопроходец, выступал в авангарде и первым скрылся от морского ветра под пологом джунглей.

Час шли хорошо. Зловредного кустарника, иступившего оба имевшихся в отряде мачете, как и подозрительной паутины толщиной в руку, здесь не было. Деревья и привычные уже разлапистые папоротники росли довольно редко, под ногами не хлюпало, и морские ветры унесли куда-то звенящие тучи комарья и гнуса. Крупных зверей, к счастью, уже не попадалось, лишь над головами с ветки на ветку перепархивали плюшевые зверьки величиной с нашу белку да на разные лады распевали арии невидимые в густой листве птицы.

Наконец попался самый натуральный «след человека»! Кружок почернелой земли, обложенный закопченными камнями, консервная банка, довольно дико выглядевшая среди свисающих вокруг лиан и бирюзовой травы, твердой, как проволока. Пара-тройка стреляных гильз. Народ обступил место привала гомо сапиенсов, разглядывая его с суеверным восторгом, куда там Робинзону.

– «Беретта», однако, – сказал, подобрав гильзы, Гриня, в котором ментовское начало еще не полностью успело отмереть. – Тут трое ночевали.

Появился один из носильщиков, потирая натруженные руки и плечи, и буднично сказал:

– Они, наверное, уже у опорной базы.

Я среагировал быстрее, чем другие, и гаркнул «привал». Побросали все и вся и загомонили. Признаться, и меня распирала целая гамма чувств. Потому я не сразу и почувствовал, как мои верные преторианцы – бывший участковый и бывшая детский врач – теребят за рукава.

– Пойдем, разговор есть, командир.

Мы отошли на пару десятков шагов и уселись на поражающий воображение древесный ствол, поваленный то ли циклоном, то ли циклопическим зверем, по уже вьвшейся привычке держа автоматы в полной готовности, прислушиваясь к птичьему гомону – не дрогнет ли слитное пение, не изменится ли тональность самых голосистых, выдавая приближение чего-то жуткого.

– Ну? – спросил я, примерно представляя, что гнетет моих гвардейцев.

– Баранки гну, – автоматически отреагировал Гриня, лихо размазывая прикладом по коре небольшую ящерку с неприятными розовыми бородавками на спине, которые вполне могли оказаться начиненными ядом, валящим с ног слона. Местная фауна была вооружена куда как серьезно.

– Как ты думаешь, что мы там застанем? Разграбленную базу и полную анархию? Остопопы, которые примкнули к нам ввиду врожденной стадности, желая спасти свою шкуру, тут же вольются в гуцу, но за человек семь-восемь я ручаюсь. Если что...

– Бабы все за командира, уж я-то знаю, так что совсем даже не семь-восемь, – обиженно буркнула Таня и как-то по-собачьи преданно посмотрела на меня. Такой взгляд я видел у нее только в самый первый день отправки, когда набрел на ее костерок, где юная врачиха, обложившись горящими головешками со всех сторон, усталая, грязная и перепуганная, целилась во все движущееся, держа автомат так, что он представлял опасность для нее самой. По сердцу расплозлось приятное тепло и гордость за себя, за то, что взял это создание с собой. За то, что дал себя уговорить волочь за собой по жутким зарослям многие сутки хвост из абсолютно беспомощных и, чего греха таить, весьма неприятных людишек, вырастая в ее и в своих глазах. За то, что лихо палил от бедра в совершенно немыслимых зверей и рептилий, выставивших из болотной тины и зарослей словно грибы после дождя, слыша за спиной визг и одобряющие вопли; за то, что тот же Гриня и другие крепко сбитые субъекты, выходявшие на костер, без колебаний признали мое лидерство и взялись охранять уязвимую колонну калечных и слабосильных. Хотя вполне добрались бы без шума и пыли до базы, не взваливая на плечи чужие

рюкзак и не кидаясь грудью на динозавров, спасая шкуру вечно скулящим и ссорящимся штатским.

Тут я встрепенулся и осознал только что услышанное и то, что стояло за этими фразами.

– Ого, милые вы мои, вы что же, готовите захват опорной базы и всерьез решили, что ваш бравый командир и тут не подкачает?

– Ну почему же захват, – вяло отмахнулся Гриня таким тоном, что было яснее ясного, что как минимум речь идет и о захвате контроля над всеми запасами земных колонистов. – Я просто пытаюсь помыслить логически.

– Только в темпе, Гриня, в темпе. Нам совершенно не нужно приходить к базе в сумерках. Давай уж по-быстренькому.

– Так вот. Таких сплоченных отрядов, как наш, больше нет. Где же найти в этих джунглях идеалистов, умеющих обращаться как с автоматами, так и с психикой себе подобных, да еще таких глупых, что они позволили толпе никчемных людишек увязаться за собой. Преимущественно колонисты добираются до опорной базы в одиночку, короткими перебежками. Или если друзья.

– Вряд ли. Всех раскидало по всему континенту совершенно хаотично.

– И хорошо, если только по этому континенту. Придут пары, тройки и одиночки, с огромными интервалами. Что будут они делать, добираясь до пункта назначения?

– Мы не знаем толком, что там, в этом пункте прибытия. Может, все это что-то типа теста на выживание. Дошел, сокрушив толпу монстров и переплыв кучу рек, а там сидит такой зелененький, с рогами, копытами и горбачевским пятном промеж лба, и говорит «Хвалю, силен род человеческий, сам убедился. Вот вам банка варенья и ящик печенья и валите отсюда на фиг, ребятки».

Это я сказал. И тут же Гриня:

– Читал я что-то подобное.

Потом Татьяна:

– Там – оружие, правда, такое, что можно использовать лишь скопом. Медикаменты, палатки, масса полезного инвентаря, который в здешних условиях не соорудить и через век, а главное – еда, спирт, одежда. Так вот, если каждый пришедший туда начнет тащить, как сорока в гнездо...

Я, поняв, куда клонят они, особенно Гриня, сказал:

– Вы рассуждаете как менты. Все будет разворовано, растащено, выпито, а остальное – понадкусано. При таком взгляде на человечество прямой вывод – войти на территорию, где расположено наше общее достояние, то есть опорная база, под развернутыми знаменами, вооруженной рукой прекратить анархию и устроить справедливую раздачу слонов населению. Лозунг диктатуры отряда будет такой: «Каждому выжившему – по справедливости, членам отряда же – по труду». Или что-нибудь еще в этом роде.

– Ты меня «ментом»-то не обидишь, горжусь, знаешь ли, бывшей работой. Скажи общественности: если мы застанем на месте базы аморфную массу вооруженных людей, которые ведут там себя, как на завоеванной территории – пьянствуют, насилюют баб, проедают общие консервы под крик умирающих раненых...

– Воображеньице у тебя, Гриня...

– Не перебивай. В таком случае, будешь ли ты пытаться навести там элементарный порядок?

– При условии, что организованной силой командуешь единолично, как и в походе, опираясь на верящих в тебя людей? – встряла Таня. Взгляд у нее был, как у змея-искусителя.

– Пожалуй. Если дела будут настолько плохи, что опорная база окажется похожей на обезьяний питомник... Давайте второй вариант, чувствую, есть он у вас. Хотя и так все ясно. Как вести себя, если к месту Икс вышла спаянная группа законченных мерзавцев... Нет, даже

если и возможна шайка, резвящаяся на вышеуказанный манер, то она сложилась уже на месте, из тех, кто вышел поодиночке...

– Именно. Посидят, скажем, первые прибывшие и решат присвоить себе опорную базу.

Мысль Грини шла проторенными ментовскими путями, по которым прошли поколения и поколения советских мизантропов.

Татьяна проводила испуганными глазами здоровенную змею, неторопливо влезшую на тот же ствол метрах в трех от нас и разлегшуюся с самым непринужденным видом. Представительница гуманнейшей из профессий перевела было автомат на одиночную стрельбу, но, вспомнив о том, что запас патронов на этой планете во веки вечные невосполним, опустила «калаш» вдоль ноги.

– Значит, так, ребята. – Я потянулся и, косясь на змею, прошелся вдоль поваленного древесного гиганта, поглядев мимоходом в сторону шумящих на весь лес членов отряда. – Я не хочу и дальше скитаться по этим негостеприимным пущам и хочу иметь шанс выжить. Это возможно только в большом человеческом сообществе, которое централизованно использует ресурсы базы. И свою долю от общих «богатств» я просто так каким-то бандерлогам не отдам. Посему благодарю за доверие всех заговорщиков и заявляю следующее. В случае попыток разграбления базы, анархии, пьянства и прочего бардака – буду действовать жестко, опираясь на десяток стволов с целью коллективной, так сказать, выживаемости. В случае, если у опорной базы мы застанем шайку мерзавцев, отгоняющих выстрелами других претендентов на всенародные богатства и чинящих иные непотребства в отношении женщин, детей, раненых и прочих, – будем действовать по обстоятельствам. Если нас выбьют куда-нибудь в джунгли, обещаю устроить партизанскую войну. Все.

– Сережа, ты прелесть, – взвизгнула Таня. Я только отмахнулся от нее – все же девчонка, не понимает, насколько все сказанное страшно серьезно и ох как вероятно.

– А что? – оживился Гриня. – Вряд ли нас кто сможет открытой военной силой вытеснить, но если что – будем собирать остальных колонистов, агитировать, – я карту помню, особо им деваться с полуострова некуда, разве только бросив базу. Осадим...

– Будем надеяться, что не придется переть с трещотками да пистолетами, к тому же почти без патронов, на тяжелое вооружение с опорной базы с неограниченным боекомплектком.

– Ладно. Объявляем тайный заговор с целью захвата...

– Заткнись, Танька! – Я впервые так грубо ее срезал. Она так и замерла с вздетым автоматом – ну прямо подруга Че Гевары. – Никакого захвата, речь идет о том, чтоб навести порядок, если его там нет стихийно, оборониться в случае чего и добиться, чтобы люди не стали на развалинах опорной базы стадом лысых обезьян из дарвинистских галлюцинаций.

– Да, действительно, Тань, какой «захват»! База-то общая. – И Гриня тут же хитро осклабился. – Только, Серега, «стихийного порядка» не бывает, бывает только хаос стихийный.

– Извини, Таня, но не кидайся словами. Я понимаю – джунгли, автоматы, романтика, надежды и страхи. Захватчики вы мои... Пошли, пора уже двигать.

– А жалко, такая картина роскошная мерещится – врываемся мы на полуостров, а там несколько десятков пьяных и передравшихся за тушенку колонистов – больше-то вряд ли успели уже дойти. Шли мы быстро, да и основную массу, по прикидкам, на большем радиусе раскидало. Так вот, врываемся мы туда, водружаем мою драную джинсовку заместо знамени, организуем «комитет по встрече» с пулеметами и лозунгом – кто против власти нашего командира, милости просим назад в джунгли! А ты, Серега, со временем стал бы типа вождя дикарского племени.

– А я и так уже вождь кочевнической орды.

Мы уже болтали на ходу. При виде нашего приближения пирушка стала сворачиваться. Я добавил:

– Дикари у опорной базы могут быть интересными – с автоматическим оружием, в брезентовых палатках, с энергоустановкой, – но с перьями в волосах.

– Да-да, с перьями во всех местах, где их можно воткнуть, в бусах из раковин и с кольцами в носках. И я буду плясать вокруг тебя с ожерельем из ушей непокорных, которые будет отрезать Гриня.

– Причем исключительно бензопилой, – хохотнул Гриня, навьючивая на себя грандиозный рюкзак, – я все забывал спросить, что же в таком диком количестве он на себе прет. – На базе, кроме пулеметов и палаток, еще и бензопилы есть, и немного горючего. Ну что, командир, если что – дашь портфель министра МВД в своем племени?

– Конечно, даст, если я – первая любовница, наложница и царица вождя – нашепчу ему в ухо, подливая в кокосовый сок технический спирт с опорной базы.

– Наложница и любовница, говоришь? А как же благоверный? Или его тоже – бензопилой по горлу, и в колодец?

Татьяна задумалась о своем и притихла, делая вид, что увлеченно обжимает разболтавшуюся застежку пижонского шведского рюкзака.

– Вождь, а вождь... – Я обернулся. Это был хмурый, но надежный, как скала, парень с темной биографией по имени Димон. Он неслышно подошел и встал рядом, поигрывая израильским «узи». Станный выбор для человека, углубляющегося в неосвоенные человеком дебри, кишасшие всяческим зверьем, на которое надо охотиться и которое будет охотиться на тебя. Когда я в первый день знакомства спросил его об этом снаряжении, Димон буркнул: «А я зверей не боюсь. И не ем. Вегетарианец. Оружие – на человека. На всякий случай».

То, что он не ест и не боится, стало заметно сразу: охотно стоял в ночных дозорных, отгоняя страшилищ из мрака камнями да матерком. Единственного «зубастика», кстати, уложил тоже он, правда, голыми руками, сломав тому тонкую змеиную шею, когда птеродактиль с клетотом и визгом пытался взмыть вверх от растерзанного Сашки. «На человека» у Димона был еще совершенно однозначный нож, тонкий, узкий, совершенно непригодный ни для охотничьих надобностей, ни для заготовки сучьев. Рядом с ним висели красноречивые гранаты, которые он ни под каким видом не согласился расходовать на «рыбалку», аж три штуки, со свинченными запалами.

Я долго к нему присматривался, соображая, уж не наш ли советский Рэмбо идет с нами, но на первом же привале он заголил крепко сбитый торс, весь перевитый синюшными рисуночками, и все стало ясно. Гриня, с видом знатока осмотревший все купола и кресты, до сих пор косил на него взглядом по старой привычке, что воспитанный криминалом угрюмый колонист воспринимал совершенно безразлично. Я же для себя подметил, что Димон – единственный из всех встреченных в лесах и болотах мужиков, прикинув что-то свое, молча отобрал у ближайшей девицы рюкзак, и побрел, слегка шатаясь, – и ни в какие дискуссии про лидерство или «знание» местных джунглей не вступал. В отличие от того же Грини, который первые дни все же лез вперед поперек батьки и явно взвешивал, не бросить ли ему всех этих калек и баб и не вдарить ли налегке. Такая вот у нас была компания. Пестрая.

– Чего тебе, Димон? – спросил я, соображая, означает ли обращение «вождь» легкий намек на то, что лагерный сиделец тоже участник заговора, или он просто услышал обрывок нашего трепа и подыграл. Хотелось бы, конечно, первого. Очень мне льстило, что, может быть, примкнул к нам Димон, почуяв во мне «вожака», а не только из-за женщин, беззащитных книжных червей и покалеченных. Кто его знает, у этих подчас чувство абстрактного долга, чести, бывает повыше, чем у тех, кому в прошлой жизни полагалось пытать человеколюбием за зарплату и по долгу службы.

– База близко. Маячки глохнуть стали. Зверья крупного тут уже вряд ли встретим. Если что – отобьемся. Послать бы вперед разведку.

– Зачем? Риск только, для разведки, да для раненых – пара-тройка стволов может многое решить.

– На всякий случай, – спокойно произнес Димон свою любимую фразу. Видно было, что он тоже ожидал увидеть местность вокруг опорной базы в самом наихудшем виде. Скажешь «нет», так ведь один вперед уйдет, вольному-то воля. Однако и вляпаться может в двух шагах от цели, да и отношения точно испортятся. Плох тот «неформальный» командир, кто в нужный момент, даже без очевидной пользы для дела, не согласится с доводами надежных соратников.

– Ладно, считай – уговорил. Бери «на всякий случай» его вон... и его... и дуйте. Рюкзаки оставьте, допррем уж как-нибудь. И это, Димон... ты уж там, у базы... даже если надо будет сильно, постарайся без пальбы.

– Я умею стрелять, но очень не люблю, – буркнул он, поманил пальцем названных мной ребят и нырнул в заросли. Я автоматически прислушался к маячку. Маячок был в восторге от близости источника сигнала, едва не дрожал. Но мерзкий писк уже утих.

– Как там раненые?

– Я даже на карачках доползу – больше ни одной ночи в этих зарослях.

Это вновь Лера. Тоже врач, но – нейрохирург. В этом мире – мгновенно вымершая профессия. Зато ходячий философ. Когда ее очки упали в мох и были раздавлены чьим-то каблуком, она отнеслась к этому совершенно здраво, рассудив, что лучше она не будет видеть здешних монстров столь отчетливо, а зрение от свежего воздуха быстро восстановит ей недостающие восемь или девять жалких диоптрий. Даже с носилок раздалось какое-то бормотание – в сознании, значит, наш самый обременительный груз, и одновременно наша гордость. Трое суток этого бодибилдинга напололам с фильмом ужасов сплотили нас, заставили как-то остро почувствовать, что мы не жалкие дети жалкой технотронной цивилизации, которых может пожрать любой встречный звероящер и которые вымрут без горячей воды, метро и телевизоров. Но и не стадо голых обезьян со стрелковым оружием и саморазогревающимися консервами.

– Тронулись, колонисты!

Маячки безумствовали, знаменуя скорое окончание бесконечного перехода. Наша разведка время от времени напоминала о себе то заботливо расчищенной дорожкой сквозь шипастые кусты с приторно пахнущими фиолетовыми цветами в кулак величиной, то зарубками, отмечающими все чаще и чаще встречающиеся следы людей, вышедших из джунглей раньше нас.

Иногда это были втоптаные в мох окурки или стреляные гильзы, которые мы впопыхах могли пропустить, иногда – следы давних маленьких костров, размытые дождями и заросшие неимоверно живучими сорными травами. Без сомнения, мы были далеко не первыми на этой финишной прямой. Кто-то оказался далеко от смертельно опасных болот и степей, где двугому негде было укрыться от хищников, и поблизости от места «Икс».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.